Юрий

Винничук

ВЕСЕННИЕ ИГРЫ В ОСЕННИХ САДАХ

КНИГА РОКУ
БІ-БІ-СІ 2005

FOLIO

Юрий Винничук

Весенние игры в осенних садах

«Фолио»

2012

Винничук Ю. П.

Весенние игры в осенних садах / Ю. П. Винничук — «Фолио», 2012

Юрий Винничук (р.1952) – украинский писатель, поэт, драматург, литературный деятель. Автор книг «Девы ночи», «Житие гаремное», «Мальва Ланда», «Легенды Львова» и многих других. Живет и работает во Львове.Юрий Винничук не просто один из самых известных современных авторов, он – из числа самых читаемых. Каждое его произведение или проект являются настоящим событием. Роман «Весенние игры в осенних садах» был, пожалуй, самым скандальным победителем конкурса «Книга года ВВС» (2005 г.) за всю его историю. Эротичность и открытость этого произведения вызвали в свое время целый шквал пуританского возмущения. Но это не просто открытость, это искренняя исповедь главного героя, одинокого мужчины, и исповедь эта полна иронии и самоиронии, комедии и трагедии…На русском языке роман публикуется впервые.

© Винничук Ю. П., 2012
© Фолио, 2012

Содержание

Пролог 5
1 5
2 6
3 7
Танцы богомола 9
Глава первая 9
1 9
2 11
Глава вторая 12
1 12
2 17
Глава третья 20
1 20
2 21
3 22
4 25
5 25
Лида. Леся. Вера. 27
Глава четвертая 27
1 27
2 37
3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Юрий Винничук
Весенние игры в осенних садах

«Смерть какого бы то ни было человека не столь значительна для человечества, как литература про эту смерть».
Джозеф Хеллер

Пролог

1

Темные воды сна расступаются мягко и медленно – течение выносит меня раскачивая на поверхность а я пусть и с закрытыми глазами но все прекрасно вижу – и арабский танец водорослей и серебристую сигнализацию рыбок и меланхолическое мерцание водной ряби и волнистые светоносные лучи проникающие до самого дна и тени вкрадчивые и взблески чешуи – кажется я малюсенький в маминой колыбели и так мне тепло так уютно как птенчику и просыпаться не хочется а хочется еще поблаженствовать в этой теплыни и качаться на волнах но какая-то сила неумолимая выталкивает меня на поверхность вытаскивает грубо за волосы а я не хочу не хочу не хочу просыпаться – не хочу на поверхность хочу обратно в глубину в тишину туда в теплый сумрак глубин убаюкивающих колыбельно…

2

Сквозь прищуренные веки вгрызается зимнее солнце, лучи больно сверлят мозг и отворяют застекленные шкафчики памяти, выдвигают ящики, вытряхивают, и тогда он начинает припоминать, что было до сих пор, с какими мыслями уснул и отчего голова гудит, словно бубен… Как ужасно это пробуждение… будто ныряние в ледяную воду. Назад, обратно, в ласковую купель сна, в мягкое марево, в мир, где ни боли, ни печали, в луга, полные цветов… Но глаза уже не в состоянии закрыться, мозг зафиксировал переход из сна в явь, и отступать некуда, сон отслаивается, будто штукатурка на старом строении, обнажая мир вокруг, – взгляд скользит по комнате, до потолка уставленной книжными полками, опускается ниже, туда, где разбросаны кипы бумаг, журналов, книг, груды пустых бутылок, блуждает, вязнет в густом ворсе ковра, приникает к двери, за которой притаилась мертвая тишина, навостренные уши стараются выловить хотя бы намек на звук, звон, стон, но тишина стоит мертвая – мертвее не бывает… Одновременно с пробуждением ото сна и его безрадостным осознанием возникает другое – болезненное и неприятное, исполненное отчаяния и растерянности, осознание окончательной разрухи… Все крепости мгновенно поверглись в прах, и башни легли в руинах, разбитые войска пали на колени и склонили знамена, все, что его окружало до сих пор, все, создававшее ему уют и безопасность, в одночасье исчезло.

3

Среди ночи и сна раздался звонок, он ворвался в мозг, словно курьерский поезд, грохочущий и брызжущий огнями, казалось, еще мгновение и голова лопнет, расколется на две половины. Что такое? Кто? Среди ночи! Он вскакивает с кровати, шарит по книгам, разбросанным на полу, скользит по грудам рукописей, спотыкается, успевая схватиться за краешек стола, наконец вслепую дрожащей рукой нащупывает телефонную трубку и, прежде чем прислонить ее к уху, в котором еще продолжает плескаться теплое море сна, и все еще невозможно отделить миражи от действительности, кричит: «Алло!» – так громко, словно его должны были услышать на улице.

Припоминание ночного телефонного разговора похоже на считывание палимпсеста. Действительно ли это было на самом деле, а не приснилось? Но взгляд падает на стол – там две бутылки шампанского, и обе пусты. Они были выпиты ночью. После той телефонной беседы. И это реальность, в которой невозможно усомниться. Память сохранила какие-то отрывки разговора, все остальное порвано, искромсано, утоплено в вине.

Звонок был из Америки. Она предлагала развестись. Заметив при этом: «Так будет лучше». Кому лучше? Переспросить не успел, был настолько ошарашен, что не смог выдавить из себя ни одной законченной фразы. Впрочем, не удивительно, ведь он спал, этот звонок его разбудил. Ночной звонок имеет свои особенности. Он всегда заставляет вздрогнуть, учащает сердцебиение, наполняет душу тревогой. Звонивший находится в более выгодном положении, ведь прежде, чем набрать номер, какое-то время обдумывает, что сказать, он знает, чего хочет. Тот же, кого разбудили звонком, к разговору никак не готов. Да и какой может быть разговор, когда звонят из Америки и, экономя доллары, лепечут наспех, захлебываясь словами, проглатывая отдельные слоги, без единой паузы, которая позволила бы что-нибудь взять в толк, – сонный мозг не успевает все это переварить, осознать, отразить…

– …так будет лучше.

Эти слова вонзились в мозг и уже не сотрутся никогда, все другие – увянут, опадут, но эти останутся и будут годами пробиваться, выстреливать стеблями пырейника и ранить.

Разговор был недолгим, он больше слушал, а она тем временем все быстренько расставила по местам, разложила по полочкам, пронумеровала и припечатала. А потом бросила трубку: где-то далеко, далеко в Нью-Йорке на Лонг-Айленде. И ему слышно было, как та трубка за океаном щелкнула. И даже показалось, что он расслышал слова, обращенные уже не к нему, а к другому мужчине, который все время был с нею рядом и слушал их разговор. Она сказала: «Ну вот…», и мужчина тоже что-то прохрипел в ответ, его слова было трудно разобрать, возможно, это было сказано по-английски, в темной комнате раздался лишь призрачный шорох его голоса, а затем разразилась тишина, а он стоял возле телефона и не отходил, словно продолжая прислушиваться к умолкшей трубке, ожидая нового звонка, хотя и так было понятно, что разговор окончен, никто не позвонит, а все же какая-то невидимая нить, связывающая их через океан, еще тенькала, продолжая их соединять, не желала рваться, и пока он чувствовал ее дрожание, с места не трогался.

А спустя мгновение исчезло и теньканье невидимой нити, и уши вновь наполнились тишиной, но была она тревожной и недоброй, сдавливая сердце жгучей печалью. Назад, обратно в сон… на ощупь, раздвигая руками темень, окунуться и плыть, плыть подальше от этого места, подальше от этого времени, вернуть все к началу, исправить, переписать, спасти…

Ну да, спасти – умчать за моря и океаны, за тридевять земель и вызволить принцессу, которую злой волшебник упрятал в башню без окон, выхватить ее из плена на крылатом коне и, прижав к себе крепко-крепко, улететь домой… В голове кружилась шумная карусель и мелькали пестрые краски. Так продолжалось несколько долгих утомительных минут, пока за окном

не заморосил дождь, мелкий, никчемный зимний дождь, и все же он ощутил какую-то странную благодарность к этому дождю, нарушившему тишину, заставившему его наконец стронуться с места и включить свет. В голове продолжала кружиться карусель слов сказанных и недосказанных, жалких обломков слов, отдельных звуков, пауз и вздохов… Он открыл бутылку шампанского, рухнул в кресло и хлестал стакан за стаканом, а в это время вокруг падали стены и разверзалась пустыня. Снова и снова прокручивал тот разговор, стараясь воссоздать его во всей полноте, но шампанское слишком быстро бьет в голову, и с каждым новым припоминанием что-то терялось, слова путались, фразы рассыпались, а больше всего его донимало то, что только сейчас сообразил, как надо было ответить на тот или иной укор. Слова выветривались, сменяли друг друга, и, чем больше он пьянел, тем меньше и меньше оставалось в памяти от того разговора, и только одна фраза не улетучивалась, а продолжала сверлить мозг: «Так будет лучше».

Возможно, и в самом деле так будет лучше? Вино спасает от грусти и покрывает все полупрозрачной пленкой парафина. Если бы не вино, он не смог бы уснуть после этого ночного звонка.

Наконец он выползает из кровати и, пошатываясь, направляется в ванную. Холодная вода вымывает из его глаз остатки сна. Он выдавливает на зубную щетку целую гору пасты и, поднося ее ко рту, бросает взгляд на зеркало. Видит в нем сумрачное небритое лицо сорокалетнего мужчины, видит подпухшие глаза, видит взлохмаченные волосы, видит грусть в глазах.

И в тот же миг я вдруг с ужасом осознаю, что человек в зеркале – я! И это я разговаривал по телефону с женой, позвонившей из Америки, а затем – снова же я – выдул две бутылки шампанского, и теперь голова гудит у меня, а не у кого-то другого.

Зеркалу все равно, какую физиономию отображать. Моя была с кислой миной. Чтобы как-то ее подсластить, пришлось почистить зубы, причесаться, промыть глаза, затем стал под душ, побрился, оделся – но и после этого выглядел, как выжатый лимон. И так всегда. Проснувшись утром после выпивона, я ощущаю себя словно придавленный автомобилем кот. Но моя ночная пьянка была особенной – я надрался от отчаяния. Когда пьешь от отчаяния, это совсем другое ощущение, ведь в таком случае пьешь по обыкновению один. Пьешь наедине с собой поздним вечером, когда затихают все звуки вокруг, и к полуночи ты уже наконец доводишь себя до нужной кондиции, ты пьян в стельку, ты никакой, и вот именно тогда, именно в таком состоянии ты и можешь наконец поговорить сам с собой, откровенно и начистоту, повытаскивать из себя все кишки, все потроха, хорошенько их развесить для обозрения и составить диагноз. И еще, а это всегда самое интересное, выстроить планы на будущее. Ну, что говорить – планы в такие минуты просто распирают голову, и все выглядит таким розовым, что отчаяние никнет, прячется в укромные закоулки памяти, чтобы вынырнуть уже завтра, но ведь то будет уже завтра, не сейчас, а сейчас хочется плыть по волнам мечтаний.

Танцы богомола

Глава первая

1

По-настоящему начинаешь понимать женщин только тогда, когда они тебя оставляют. Вот тут-то они наконец вышелушивают из себя какую-нибудь не ведомую тебе доныне истину и убивают ею наповал. Проживи ты с женщиной хотя бы и все сорок лет, но как только приходит момент, когда она сообщает, что уходит от тебя, ты узнаешь о себе такое, что никогда бы и на ум не пришло. И это, между прочим, может быть какая-нибудь абсолютная чушь, ничтожная чепуха, пшик, способный в любом другом случае вызвать лишь дикий хохот, но не тогда, не в тот момент, когда она это тебе бросает на прощание. И главное, что бросает! В ответ на эти ее слова хочется лишь недоуменно рассмеяться. Как? Из-за такой ерунды? Да, собственно, из-за нее. И она выдает это как приговор, как окончательный вердикт, который гвоздем забивают тебе прямо в лоб, вот сюда меж бровей, и отныне ты должен носить сей гвоздь посреди лба, прикасаться к нему и думать, думать, что бы это значило и что в действительности за этим стоит.

От каждой женщины, с которой я был близок, мне приходилось узнавать о себе нечто новое. И чаще всего тогда, когда мы расходились. Возможно, кто-то назовет это мазохизмом, но когда я хотел даму оставить, то никогда ей этого не говорил. Я вообще не смог бы склеить в одной фразе таких слов, как: «Прости меня, но я полюбил другую» или «Между нами все кончено. Давай разойдемся». Я с удивлением выслушивал от некоторых своих друзей рассказы о чудовищных сценах, которые они разыгрывали перед своими пассиями, прежде чем окончательно порвать с ними. Кое-кто даже устраивал прощальный ужин, оканчивавшийся, разумеется, прощальными сладострастными ласками. Увольте, это не для меня. Я поступал проще. Разумеется, проще для меня, а не для женщины, ведь ей-то, увы, приходилось не просто. Я делал так, чтобы она меня оставила. Я начинал играть роль сволочи и негодяя, а это, скажу вам, непростая роль, если в душе ты все-таки не негодяй, однако норовишь выйти сухим из воды, тебе не хочется переживать сумасбродные сцены, выяснять отношения и, чего доброго, даже схлопотать пощечину. Все, чего ты желаешь, – это чтобы милая послала тебя подальше, и чем короче окажется фраза, тем лучше для тебя. Но в действительности скороговоркой никогда не получалось. Всегда это затягивалось надолго. По вине женщины. Что и говорить, от пощечин по физии я себя так и не обезопасил. Наконец сообразив, с каким подлецом она имела дело, лапушка взрывалась неудержимым водопадом обвинений, открывающим для меня настолько потрясающие грани моего «я», что невозможно было уяснить только одно: так зачем же ты, мой ангел, столько времени с таким уродом якшалась-любезничала?

И знаете что? Нет никакого смысла задавать разъяренной пассии подобный вопрос. Ответ непременно будет таким: «Я думала, что смогу сделать тебя лучше!»

Ну а что, скажите, может быть в отношениях двух людей благороднее и возвышенней, нежели желание сделать кого-то лучше? В миг оглашения этого святого намерения играют фанфары, флейты и тромбоны, и тотчас хочется обнять даму за колени, целовать ее туфельки и умолять: «Ну, попробуй еще, сделай меня лучше!» И все же нет, если ты всерьез решился оставить ее, не расслабляйся, ведь все это фикция, никому никого не дано сделать лучше. Ваять можно из глины, но не из песка. Ты будешь оставаться таким же, как и при первой встрече, единственное, чего можно еще от тебя ожидать, что когда-нибудь ты приспособишься

к даме, постараешься избавиться от раздражающих ее привычек, ну хотя бы на то время, пока она находится рядом с тобой. Ну да, ты и в самом деле можешь стать таким, как того хочет дама, но если она для тебя не подарок небес и влечет к ней лишь зов телесный, ну а больше всего ее задница, то тебе начихать на все условности, ты такой, какой есть на самом деле: небрежный, неточный, неверный, неблагодарный, непорядочный, неуравновешенный, невоспитанный, лживый, нахальный, бирюк, самоуверенный, бесстыжий…

Главное здесь не раскисать и не воспринимать эти обвинения всерьез. Иначе и впрямь может закрасться подлая мысль разрешить ей спасти тебя, отдаться перевоспитанию и, на крыльях любви неуклонно совершенствуясь, становиться примерным и даже идеальным, а иногда, выйдя на балкон, прислушиваться к шелесту крыльев за спиной.

Наверное, мой способ расставания с женщиной кое-кому покажется несколько затянутым. Ну так ведь и процесс возведения в негодяи не должен сводиться к считаным часам, он должен занимать хотя бы дни, если не недели. А впрочем, мне везло с женщинами, почему-то судьба преподносила мне чаще взрывных истеричек, готовых в любой момент выцарапать глаза, выдернуть клок волос, облить кипятком или искромсать рукописи. Именно рукописи и книги вызывают у них, очевидно, скрываемую прежде ярость, ведь только литература и стоит на пути к окончательному овладению мной. Осознание того, что есть что-то для меня более важное и ценное, чем их влагалище, гузно, сиськи, чем любящее сердце, чем их уста с каплями спермы, кошачьи ласки и даже вареники в сметане, вызывает в них агрессию, и направлена она именно на то самое дорогое и ценное, чем живет писатель, и тогда в минуты истерики они хватают бумаги и рвут их, расшвыривая во все стороны ошметки твоих вдохновенных писаний, наступают ногами на одну половину книги, а другую с диким визгом отдирают напрочь – и откуда такая сила у этих неженок? – в экстазе они готовы подсобить себе и зубами, и вот уже взлетает в воздух изничтоженный Бодлер, а вслед за ним – Рильке, а за Рильке – Свидзинский, а ты, словно очумелый, пытаешься спасти это свое самое дорогое и от безысходности вынужден прибегнуть к силе, скрутить ей руки, повалить на пол, задрать халат и, разорвав трусики с такой же яростью, как она только что разрывала Райнера-Марию Рильке, трахнуть ее, всю в слезах, рыдающую, завывающую, стонущую, издыхающую, на глазах изничтоженных Шарля, Райнера-Марии и Володимира.

Разумеется, с истеричками, которые любят выпить и закусить, расставаться значительно легче. Вывести таких из равновесия – раз плюнуть. Достаточно отказаться сделать что-нибудь такое, что до сих пор ты исполнял безропотно и без лишних слов, но при этом назвать причину отказа настолько левую, чтобы это уши ей резануло. Ну, к примеру, если ты всегда готовил ей кофе, а в этот раз на ее просьбу проворчал: «Сама себе завари – я же занят», будь уверен, что в тот же миг тебе следует резко наклониться, иначе кофеварка влетит тебе прямо в лоб. Такой же реакции жди и после отрицательного ответа на вопрос: «Ты меня проводишь?» Тогда в голову летит в лучшем случае тапка, а в худшем – ботинок.

Не знаю, как другие, но когда я выслушиваю от возлюбленной беспочвенные обвинения, то чувствую обиду, печаль и отчаяние, и еще – абсолютную беспомощность, поскольку не способен ответить таким же впечатляющим фонтаном слов. Ее слова низвергаются мне в лицо, в уши, бьют под дых, они обжигают меня и ослепляют, забиваются в рот и перекрывают воздух, если в первую минуту я предприму робкие попытки защититься, спрятаться за первые попавшиеся свои слова, может, и не столь острые и едкие, то уже в следующие мгновения – я неожиданно для себя начинаю ощущать в душе легкий осадок ответственности, а через секунду уже просто не могу доказывать, что я ни в чем не виноват, мне начинает казаться, что ее обвинения справедливы и меня оскорбляют не понапрасну, а вполне заслуженно. И вот я уже различаю в тех словах нотку снисхождения, ну да, мне оставляют маленькую форточку открытой, совсем крошечную, и все же я могу воспользоваться проявленным великодушием и влететь в нее, сложив руки смиренно на груди и приговаривая: «Прости! Прости!» Однако я

этого никогда не делал, поскольку все шло по моему плану. И только этот ночной звонок был не по плану. Он оглушил меня своей неожиданностью.

2

А ведь все начиналось совсем невинно и совсем не с того, что мне пришлось услышать, ну какая же я свинья. Сначала моя жена собралась в Америку по какому-то левому приглашению устраивать такую же левую выставку своих картин. Попрощались мы в горячих объятиях и едва ли не со слезами на глазах, она не скрывала, что собирается там задержаться, найти работу, и уговаривала меня ехать вслед за ней, тем более что у меня было приглашение в Канаду. Я воспринял это несерьезно: жить в Штатах меня заставило бы разве что восстановление советской власти в Украине.

Последнее живое воспоминание о ней – воздушный поцелуй. Но после этого возникла какая-то странная ситуация: она пропала, и я полгода не получал от нее известий. Кроме одного – левое приглашение оказалось настолько левым, что ее там никто не встретил, она еле разыскала знакомого художника и поселилась в его мастерской, где спала прямо на столе, эту неутешительную новость передала мне одна туристка, вернувшаяся из Америки. Догадываюсь, что родители моей жены, конечно же, получали от нее письма, но мне они говорили, что не было ни одной весточки. И вот она позвонила мне, чтобы сообщить: мы должны развестись. И тут, собственно, я услышал о себе то, о чем никогда не догадывался: я ведь и понятия не имел, что я бабник, что бегаю за каждой юбкой, что переспал со всеми ее подружками и, кто знает, не приударял ли с той же амурной целью и за ее мамой, и вот я наконец могу устроить себе идиллию с… и тут она назвала с полдесятка своих приятельниц, которых я не только поимел, но и мечтал женить на себе. Водопад безумных нелепиц излился на мою голову столь неожиданно, что я не нашел ни единого аргумента, чтобы их отклонить, я захлебнулся несуразицами, как рыба захлебывается воздухом, и оттого, что под многоструйным фонтаном ее обвинений я удосужился лишь о чем-то невыразительно булькнуть, она и не пыталась меня выслушать, а тарахтела и тарахтела, как автомат, выбрасывая из себя по сто слов в секунду. Потому не удивительно, что позже я не смог вспомнить и десятую часть из ее монологов.

Из того, что все же удалось запомнить, вырисовывалась очень непривлекательная картина. Уродам, таким, как я, не должно быть места на земле. Ничего святого! Ни единой надежды на исправление! Я готов перетрахать все, что движется на двух ногах противоположного пола. Я монстр! Маньяк! Вампир! Я высасываю энергию, пью кровь и наслаждаюсь чужими муками.

После этого было еще несколько телефонных разговоров, столь же нервных, второпях, она атаковала, я защищался, не зная, что ее атаки уже не имели никакого смысла, она просто искала для себя оправдания, ведь пока я коротал время в одиночестве, она уже нашла уютное гнездышко и проживала с дантистом в одном из пригородов Нью-Йорка. Узнав об этом, я почувствовал, как тяжелая зимняя льдина сползает с моей груди, и дышать становится свободнее. Я устал бороться и пришел к выводу, что все, в чем я теперь нуждаюсь, это, собственно, превратиться в того, за кого она меня принимала: в маньяка и вампира. Для чистоты эксперимента убедить себя в том, что ее не было никогда.

Глава вторая

1

Едва началась весна, как вместе с цветущими вишнями вспыхнула в душе моей неодолимая жажда любви. На следующий день после развода я сел за письменный стол с решительным намерением завершить «Мальву Ланду». Закваска этого поистине гениального романа бурлила и пенилась во мне, вырываясь наружу, а я все никак не мог собраться с силами, чтобы спокойно взглянуть на чистый лист бумаги, ведь это словно заглянуть в бездну – голова начинает кружиться, и какая-то сила неудержимо влечет тебя туда, вглубь, где тяжелые темные волны бьются с обреченность гладиаторов. На моем необозримом письменному столе, состоящем на самом деле из двух письменных столов по краям и широченной доски между ними, на моем четырехметровом столе уже поджидали затейливо расставленные стопки с книгами и бумагами, каждая из которых относилась к отдельному проекту. Если бы я имел возможность расположить в своей квартире километровый стол, то и его я завалил бы бумагами и книгами. Это настоящее пиршество работать за таким длиннющим столом, а еще лучше круглым, то есть кольцеобразным, где ты, словно планета Сатурн, посредине. Я тогда еще не пользовался компьютером и писал чернилами, шариковых ручек терпеть не мог, они мне казались гадкими, я писал авторучкой на длинных листах хорошей белой бумаги, рисуя на полях лошадок, деревья, горы, ущелья и всякую чертовщину, когда мысль буксовала, а я никак не мог тронуться с места.

Ярко светило солнце, в окне виднелось зеленое пастбище, а за ним – темная стена леса, на опушке резвились дети, дремали коровы, белели гуси, чудесный апрельский день для писания, но вначале я все же нарисовал на бумаге холмы с ветряками и узенькой дорогой, вьющейся между ними и исчезающей на горизонте. Что там, за окоемом? Так захотелось убежать по той дороге, словно мальчишка, взлететь на самую макушку высокой кручи и посмотреть вдаль – что за неизведанные края, какие чудеса упрятаны там, за горизонтом, от моего взора?

«Чем дальше они углублялись в сад, тем больше он возвышался и возвышался на их глазах, становился величественнее и загадочней, весь исполосованный тенями и полутенями, пряча в раскидистых кронах обрывки сизой мглы, – выводила моя рука на бумаге. – Деревья здесь имели сплошь горделивый вид, бахвалясь древностью и породой, но в то же время от них веяло и каким-то новым духом, неведомым и дивным, а взгляд сразу плавился в своевольной игре мерцаний, всплесках невероятных соцветий, трепетании мечущихся лучей и захмелевших от зноя листьев. Кажется, здесь каждое растение оживает от твоего взгляда, даже мгновенного, стряхивает с себя тени, взблескивает чешуйкой росы и жадно ждет твоего слова, к нему обращенного. Сытые ленивые орхидеи опутывают своими похотливыми щупальцами стройные фаллосы деревьев и, украдкой шаря по коре, доводят дерево до экстаза, в котором оно едва не падает, постанывая и истекая потом, задыхаясь от избытка наслаждения, разливая густые запахи и истекая соками. В нос бьет дурманящее благоухание эякулированной живицы, завидев проходящих мимо людей, вспыхивают жадные глазищи орхидей, и вот они, словно игривые гейши, начинают извиваться упругими телами, перемигиваться и пересмеиваться, ойкать и сладко постанывать…

Тоненькая пряжа солнечных лучей обволакивает змееподобные ветви иглавы, утопает в клубах взъерошенной, безнадежно перепутанной поросли голубого скруба, а из-за кустов изнеженной жеманной фалинезии выглядывают чьи-то глазенки, дикие, испуганные, но симпатичные, а вверх по стрельчатым араукариям стремительно вытанцовывают юркие желтые и кофейные попугайчики – орхидейские евнухи…Чирликает, словно сумасшедшая, рыжая тарантохля, и ее длинные перья вздымаются пестрой бахромой. Из дупла старой шуплады выглядывает

перепуганная пискля, сверкает узкими глазенками и снова исчезает. Весь этот тропический лес был насыщен сотнями звуков, странных и неслыханных ранее, звуки раздавались отовсюду, а иногда прямо из-под ног, заставляя испуганно одергивать ступню, оглядываться во все стороны и вздрагивать от пронзительных диких вскриков…»

Собачий лай, внезапно оглушив один конец улицы, покатился к другому и, неуклонно усиливаясь, приближаясь, вырвал меня из задумчивого состояния. Появление незнакомого человека на нашей улице жители привыкли определять по тявканью, лаю, рычанию псов: вот собачий гомон накатывается издалека, становится все громче и громче, и какая-то неудержимая сила заставляет тебя выглянуть в окно и полюбопытствовать, кто же там чешет псам вопреки. Эту привычку очень быстро перенял и я, потому-то и в этот раз, выглянув в окно, я окинул взглядом улицу и заметил высокую девушку с каштановыми волосами и с длинными ногами, она проходила, оглядываясь, словно искала чей-то дом, а в руке держала книгу. Книга была толстая. Книга была не моя. Я замер и вытаращился на нее, словно на посланницу с небес. Я даже сказал: «Господи, сделай так, чтобы она зашла ко мне!» И что бы вы думали? Господь выслушал мои моленья. Честно говоря, он всегда внимательно их выслушивает и делает так, как я попрошу, другое дело, что со временем я начинаю сам себе удивляться: зачем я об этом просил? Но здесь был не тот случай, отнюдь, я попросил, чтобы эта красивая, привлекательная девушка, эта секс-бомба сезона, эта отрада сердца моего не прошла мимо, и ради нее я готов был даже забросить сегодняшнее писание, а она ведь сделала это, она повернула в мои ворота!!! А почему? Да потому, что в тот день я нуждался именно в ней, а не в писании. Пока я птицей слетал со второго этажа, в моей голове промелькнуло бесконечное множество вариантов, кто бы это мог быть: юная поэтесса, жаждущая услышать мнение мэтра о своих стихах (и своей попке), поклонница моего таланта, возжелавшая живого (очень живого) общения с кумиром, журналистка, захотевшая взять интервью (и в киску), американская переводчица, возмечтавшая перевести на английский «Девы ночи» (и сама для большей достоверности перевода превратиться в деву моих ночей), студентка, которая пишет магистерский труд про роль женщины (влагалища) в моем творчестве… На ходу я застегивал пуговицы, приглаживал волосы, подтягивал штаны, а в прихожей еще успел воткнуть мордень в зеркало и даже растянуть губы в чудесной улыбке. Я выскочил на порог так стремительно, словно получил хороший пинок под зад, а девушка уже стояла у ворот и встречала меня лучезарной улыбкой, и глаза ее сияли широко и радостно, девушка была прекрасна, и уста ее алели так призывно, что я почувствовал, как сердце мое встрепенулось и вот-вот вырвется из груди от избытка счастья… Господи! Ты услышал меня! Ты направил стопы ее ко мне!

И вот, не успел я дрожащими руками отворить калитку, чтобы пропустить эту диво-деву, как вдруг услышал фразу, изреченную столь торжественным тоном, словно мне сообщали, что я стал лауреатом Нобеля. Однако это была не та весть, которой в свое время внимал Уильям Фолкнер, копошась в навозе на своей ферме. У калитки раздался возглас, не имеющий ничего общего с Нобелем, это была фраза, которую можно услышать в Галиции на каждом шагу, но имела она одну особенность – непревзойденно торжественный тон, возможно, даже более торжественный, чем тот, которым восклицает священник в церкви:

– СЛАВА!.....ИИСУСУ!.....ХРИСТУ!!!

Я мгновенно онемел и оцепенел, предчувствуя что-то нехорошее, тревожное и загадочное, какой-то совсем иной вариант, который я не учитывал, к которому не был готов, а она, не давая мне прийти в себя, продолжила тем же пасторским тоном:

– Задумывались ли вы когда-нибудь над своей жизнью?

Я чуть не свалился с копыт, услышав эти слова, казалось, над головой у меня разверзлось небо со всеми громами и молниями. Я готов был убить ее в тот момент. Единственное, что ее тогда спасло, – Библия, которую она трепетно прижимала к груди. А может, ее спас старикашка, неожиданно вынырнувший из-за кустов и тоже направивший стопы свои ко мне, гнусавя:

– …бесчисленное множество людей не думает не думает о том что их ожидает бесчисленное множество людей ошибается ругается ежедневно и ежечасно погружаясь во грех все глубже и глубже и если не протянуть им вовремя руку они окажутся окажутся в геенне огненной в геенне огненной огненной…

Он держал в руках какие-то баптистские, или, может, иеговистские журнальчики с простецкими цветными иллюстрациями – львами, тиграми и пантерами, покушающимися на чистые человеческие души, в частности и на мою, – и молол, молол, молол, а геенна огненная уже светилась вдали и подмигивала мне игривым взором, а девушка протягивала мне Библию с какой-то невероятно доброй и сочувствующей улыбкой – так улыбается медсестра пациенту перед тем, как всадить ему обезболивающий укол. Я сердито хлопнул калиткой, так, что ворота затряслись и эхо покатилось, и, обернувшись к ним спиной, сдерживая зубами целый табун матерных слов, чтобы не сорвались раньше времени, вернулся в дом и только тогда дал волю своей злости, выплюнув слово «блядь» сто сорок восемь раз, а когда успокоился, то подумал: а какого ты милого, собственно, разругался? Ведь ты получил то, чего хотел. Шла себе девушка-агитатор по улице, чаяла встретить живую душу, чтобы обратиться к ней с вещим словом, наставить на путь истинный, спасти от геенны огненной, но улица была безлюдной, в такую погоду люди спешат управиться с огородами, она и твой дом миновала бы, если бы ты, ты сам не попросил об этом Господа, ведь это ты чуть ли не коленях стоя умолял его: «Господи, сделай так, чтобы она зашла ко мне!», вот Господь и послушал, Господь всегда внемлет всем твоим прихотям, ты пожелал, чтобы девушка-агитатор пришла к тебе, она и пришла, и теперь все, что тебе остается, чинно поблагодарить Бога, и я поблагодарил: «Благодарю Тебе, Господи, что исполнил волю мою! И прости мне, что я не воспользовался даром твоим».

И все же был, был один такой случай, когда Господь не выслушал мою просьбу. Это произошло, когда я попросил у него вернуть мне мою жену. Что могло быть проще? Вернуть мне мое же, не так ли? Однако Господь меня не услышал. Видимо, были у него на то свои причины. И знаете что? Я благодарен ему за это. Не прошло и полгода, как я искренне благодарил его: «Господи, благодарю тебя за то, что не послушал меня, недотепу, и не вернул мне жену мою». Ну конечно, Господь знал, что делает, иначе вся моя последующая жизнь превратилась бы в ад кромешный, ведь, забегая наперед, скажу, что жена моя, выйдя замуж за американского зубного врача, вскоре со скандалом развелась, пережила пожар в доме и в результате оказалась в лечебнице для душевнобольных, где провела два года.

Я снова сел за стол, перечитал написанное и попытался продолжить работу, но рука упорно выводила на бумаге какие-то малимоны, переплетения лиан, джунгли Бирмы. Рука не в состоянии была написать ни единого слова, которое бы упало, словно кошка, на четыре лапы и осталось жить, потому что через секунду то слово вычеркивалось, а на смену ему падало другое, и тоже исчезало, и я уже понимал, что в этот день мне не удастся написать ничего путного.

После всего случившегося какая-то сила тащила меня в город, я попробовал с ней потягаться, даже сел в кресло-качалку, закинул ноги на стол, открыл Хемингуэя и прочитал два абзаца. На большее меня не хватило, я оделся и подался куда глаза глядят. Именно так это выглядело, ведь я не пошел на автобусную остановку, решил добираться пешком, а это семь километров от моего дома до верхней Лычаковской. Ну и прекрасно, я люблю размышлять в пути, не сидя и не лежа, а именно плетясь наобум, погрузившись в свои глубины и весьма нервируя, если меня кто-то из них выдергивает, например, спрашивая, который час, из-за чего я часы обычно носил в кармане. Но дорога из Винников[1] до Львова через лес – это тропа одиночества, здесь никто тебя не остановит, не собьет с верной мысли. Я прихватил с собой бутерброды и бутылку домашнего вина. Шел напрямик, весело перепрыгивая через ручейки, журчащие в неизвестном направлении, продираясь в непролазных завалах сушняка, карабка-

[1] *Винники* – предместье Львова.

ясь на холмы и вихрем сбегая в долины. Среди деревьев мне сразу стало легко, вокруг щебетали, свистели и чирикали птицы, расплескивая вокруг хмельную радость жизни, чаща опьяняла ароматом хвои и прелой листвы, мха и папоротника. Ноги мягко отталкивались от земли и сами собой несли меня вперед и вперед, пока я, сам того не ожидая, не оказался возле Чертовой скалы, воспетой немецкоязычной львовской поэтессой Йозефой Кун, которая в начале 19-го века посвятила мрачному утесу романтическую балладу. Здесь я решил устроить себе маленький пикник и уселся на траве со своими бутербродами и вином.

Лесная прогулка немного развеяла грусть, мне уже не хотелось думать о том, как сложится моя дальнейшая жизнь, я боялся об этом задумываться. Лучше представь себе, будто ничего особенного и не произошло, просто живи в свое удовольствие и пошли все в жопу. Я лег и, распахнув глаза к небу, проводил взглядом на запад пушистую шуструю тучку с большой круглой задницей. Нуда, изрядная круглая задница – вот что мне сейчас нужно, чудесное средство от хандры. Вы не поверите, но мой блудень даже приподнялся – откликаясь то ли на эту мысль, то ли на ту ладную тучку, которая, впрочем, уплывая все дальше, понемногу деформировалась, обмякала и расползалась – не так ли и в жизни, где каждая круглая и твердая попа со временем обмякнет и расползется.

Я допил вино и с повеселевшей головой продолжил свое путешествие. Пройдя с полкилометра, услышал чей-то тоненький голосок, прислушался, голосок раздавался совсем близко, я сделал несколько шагов в сторону и увидел на поляне девочку лет двенадцати, она, что-то напевая, собирала цветы. Девочка была в коротенькой юбочке и, когда наклонялась, я видел ее круглые ляжки и пухленькую сиделку. Смотрел на нее и думал: как же ей повезло, что встретил ее в этом лесу, на безлюдье именно я, а не кто-то другой, не серый волк, а возможно, маньяк и насильник. И еще думал: как хорошо, что при виде этой аппетитной малявки я не теряю голову, наверное, я не окончательно испорчен и не настолько изголодавшийся, хотя, конечно, и не святой. Итак, я любовался ею и думал: а ведь классно было бы с такой нимфеткой покачаться в траве. А затем потихоньку, стараясь не шелестеть, я попятился от полянки и исчез в чаще, по-прежнему гордясь собой.

На Лычаковской сел в автобус и, как только оказался в шумном центре города, сразу же ощутил в себе огромное желание вернуться домой. Я даже остановился и задумался, что же на самом деле мне сейчас нужно – навестить свое рабочее место в редакции «Доступа» или сидеть в кресле-качалке и… ну, известно что… читать, писать или забивать себе голову разными тягостными мыслями, дабы в конце концов напиться и вырубиться? Не долго думая, все же отправился в редакцию. Все девушки-щелкоперки были на месте, и я по привычке ощупал критическим взором все присутствующие задницы, но той, с которой я желал бы испытать новую большую любовь, не увидел. То есть были журналисточки, с которыми я бы не прочь утолить свою похоть, устроить такой, знаете ли, летучий перепихончик – две-три бутылки вина, беседа ни о чем, телевизор, кровать, а на следующий день – снова суровые газетные будни, никто никому ничем не обязан. Но я знал, что они на это не пойдут, а заводить новый роман я не желал, тем более что пока еще уломаешь, должен тусоваться с ними, тратить время, вести душещипательные беседы и делать вид, что тебе это невероятно интересно. Нет-нет, увольте, для меня это муки тяжкие, да и не умею я притворяться до такой степени, не раз убеждался в этом. Баста, больше никакой любви, никакой привязанности, попыток приспособиться, угодить и сделаться лучше. Я открыл записную книжку с телефонами знакомых девушек. Ведь теперь я свободен, с тихой радостью думалось мне, так что была бы постелюшка, а милая найдется, и не одна, а сколько душе угодно, теперь могу делать все, в чем меня столько лет моя благоверная подозревала. И это, наверное, чудесно. Я так увлекся этой мыслью, что даже стал выписывать телефоны на одну страничку, чтобы было удобнее обзванивать. А к чему, скажите, откладывать? У меня сейчас тяжелый период. Но и в сорок лет мужчина все еще может многое

изменить в своей жизни. Другое дело, что мало кто на это решается. Впрочем, я готов. Мне нечего терять.

У меня был не слишком большой выбор для того, чтобы удержаться на плаву. Каких-то три возможности. Три возможности, каждая из которых вела в неведомое, без какого-либо просвета, каждая из которых увлекала по-своему, и нужна была сила воли недюжинная, чтобы сосредоточиться лишь на одной из трех. Я должен выбирать: или а) натянуть на себя слоновью шкуру, непробиваемый панцирь и выдавать себя за конченого прохиндея, хлюста и жоха или б) сойти с ума от излишка эмоций, превратившись в безвольную щепку, мечущуюся по воле волн, подчиниться обстоятельствам и плыть по течению, весело помахивая хвостиком. Третья возможность была самой худшей – в) попытаться стать добропорядочным обывателем, ничем не выделяться, собрать воедино все средства мимикрии и слиться с окружающей средой так, чтобы меня уже никто не смог отличить. Я выбрал первое.

Но я должен, непременно должен сегодня припасть к чьей-нибудь заднице, в этом было единственное средство против скуки. И вот, когда я уже вознамерился обзванивать по выписанным номерам, в редакцию зашла девушка в короткой юбочке с отнюдь не худенькими и такими белыми ногами, что я подумал, будто она всю жизнь провела в темном подвале без окон, а солнце видела только в букваре. Ее большие груди призывно вздрагивали при ходьбе, глаза постреливали по сторонам, словно выискивая кого-то, и я прошептал мысленно как заклинание: ну же, давай, подноси мне свои сокровища, я распну тебя прямо на этом редакционном столе, заваленном газетами и бумагами, давай мне свои белые ноги, я искусаю их до синяков. Я еле сдерживал себя, чтобы снова не обратиться к Господу. Хватит, слишком много безумных желаний для одного дня, в этот раз сдержи себя, и я сдержался, не отводя от нее взгляда, я пожирал ее своими голодными глазами, я готов был проглотить ее без всяких специй и гарнира. Внезапно она бросила взгляд на меня, улыбнулась и пошла в мою сторону. И тогда я, на всякий случай, скользнул глазами по ее рукам, не держат ли они Библию или молитвенник, чтобы еще раз наставить меня на путь истинный, но нет, в руках ее была сумочка, хотя от этого мне легче не стало, ведь женские сумочки могут скрывать множество интересных вещей, в частности и молитвенник или пистолет.

– Вы Юрий Винничук? – прощебетала она, одаряя меня улыбкой из популярного дамского журнала.

Я кивнул и поднялся, чтобы, когда она начнет в меня стрелять, успеть спрятаться под столом.

– У меня к вам дело.

Это уже интереснее, чем ковыряние относительно смысла жизни, не правда ли?

– Слушаю.

– Но… не здесь… может, выйдем?

Конечно! Выйдем! Ура! Но куда-куда-куда? Кажется, есть одна свободная комната. Возможно, она имела в виду кофейню, но я, решительным шагом приблизившись к ней, лицом к лицу, не останавливаясь, препроводил ее, отступающую спиной вперед, в небольшой кабинет, и мы присели возле стола.

– Я хотела вам сказать, что восхищаюсь вашими произведениями… – Далее она осыпала меня цветастым ворохом комплиментов и сразу после этого перешла к делу. – Я хочу показать вам свою поэ-э-эзию.

Она так и сказала: «по-э-э-эзию». Только настоящая поэтесса способна так произнести это слово. Я представил себе, как она будет, скажем, завтра, ну, в крайнем случае послезавтра лежать подо мной и постанывать: «Во-о-озьми меня, ми-и-илый, во-о-озьми!» Она сидела напротив, и я видел ее всю. Ноги ее сияли. Как две упругие луны, светились белые колени. А чуть выше и между – темнела щель шириной с ребро моей ладони, очевидно, на тот случай, если бы я захотел нырнуть под ее юбочку. Эта щель приковывала к себе все мое внимание

– вот где подлинная поэзия, а не в ее сумочке, которую она сейчас раскрыла, чтобы извлечь толстенную общую тетрадь (ну что же, случается, что и гениальные поэты записывают свои стихи в такие гроссбухи), и начала читать, чуть подвывая, напоминая этим Беллу Ахмадулину, и остановилась лишь тогда, когда я, положив ей руку на лунное колено, сказал:

– Этого достаточно, чтобы я понял, что вы талант (полная фигня, ни единого проблеска), вы тонко понимаете поэзию (в поэзии ты ни бум-бум, ни ку-ка-ре-ку), но искру вашего таланта (какая там искра? – сплошной мрак) надо еще раздувать (это все равно, что раздувать сухой песок), следует его взращивать (с таким же успехом можно взращивать пенек), – моя рука скользнула чуть выше, кажется, девицу-белоножку не только держали в подвале, но еще и обкладывали льдом, – я вижу, что из вас вырастет интересная поэтесса (блядь из тебя вырастет!), но вами необходимо заниматься (репетировать во всех позах, до визга, до писка и слушать, дышишь ли ты!!!).

И когда я пальцами вот-вот уже должен был прикоснуться к ее горячей пипке, когда я уже кончиками пальцев, казалось, нащупал непокорные волоски, что, словно первые подснежники пробились сквозь (снежно-белые? голубые? розовые? салатовые?) трусики, она вдруг дернулась, отбросила с гневом мою руку и вскрикнула:

– Прекратите! Да как вы можете?

На ее глазах появились слезы, я подумал, что это слезы счастья, и обнял ее. Однако ошибся: она решительно вырвалась и, бросив на прощание: «Все вы такие!», исчезла за дверью. Я провел голодными глазами ее выпуклую пониже спины прелесть, что до боли напомнила мне ту аппетитную задастую тучку над Чертовой скалой, и почувствовал ужасную печаль. В ладонях еще не истаяла нежная прохлада ее белых пышных бедер, и это вдохновляло, и я хотел было продолжить дозваниваться по телефону знакомым девушкам, но вскоре благоразумно решил, что два столь тяжких облома в один день – достаточная причина, чтобы напиться вдрызг, и свалил домой.

Дома я вспомнил, что, кроме двух бутербродов, ничего во рту не держал, и хотя не был голоден, все же заставил себя съесть кусочек сыра, а затем поднялся в кабинет, упал в кресло-качалку и позволил вечернему сумраку затопить себя с головой. Света я не включал, ведь ни читать, ни работать не собирался, зато врубил музыку, нацедил из бутыли вина и медленно отхлебывал, лениво покачиваясь. Выпивая бутылку доброго домашнего вина, я словно покоряюсь ему, а оно, вливаясь в меня, сразу ударяет в голову, одурманивает, отвлекает, вино – откровеннейший собеседник, который выбалтывает мне все свои тайны, пробует меня на вкус и на цвет, я даже чувствую, как вино перекатывает меня на своем языке, пробуя, прежде чем проглотить, капля за каплей я переливаюсь в него и думаю, думаю, мысли мои по мере выпитого становятся светлее и светлее, наконец на высокой волне счастья я засыпаю, хотя утром меня ожидает болезненное выныривание из пучины сна и попытка заставить себя хотя бы что-то делать. Пока ты молод, из таких ситуаций выходишь без особых затруднений, но когда тебе сорок, то ощущаешь себя фикусом, внезапно среди зимы выставленным на балкон.

2

С детства я привык к тому, что непременным условием комфортности моего существованию были и есть тишина и тень, мне даже пишется лучше, когда свет в комнате не слишком ярок. Случается, что днем я даже зашториваю окна, и вот когда я столь внезапно лишился тишины и уюта, то волей-неволей запаниковал. Со времени первого звонка из Америки меня стали преследовать бессмысленные сумбурные сны, которые каждое утро приходилось отряхивать с себя, словно пожелтевшую листву, и тогда я походил на осеннее дерево с вороньими гнездами и тревожным карканьем в голове. Стая съежившихся ворон мокла под изморосью испарений вчерашнего вина, которое скучивалось красной хмарью где-то между теменем и

мозгом и сеялось, сеялось на мой внутренний мир, вместившийся в моей голове, мир, окутанный туманом и моросью. Сны вымучивали меня, встряхивали среди ночи, и тогда я, на ощупь включая свет, брал книгу и читал, пока сон снова не одолевал меня. Мне снилось, что Христя приехала и я хочу ей позвонить, но не могу вспомнить номер телефона. И тогда я ищу, ищу этот номер, но в записной книжке почему-то не оказывается самой важной страницы, я пытаюсь вспомнить его, и вот всплыли две-три первые цифры, и это уже кое-что. Однако остальные никак не даются, ускользают из памяти или же возникают в бесконечных комбинациях, которые я тотчас проверяю, взволнованно прислушиваясь к голосам на другом конце провода, стараясь уловить что-то знакомое. В конце концов я иду к ее дому, слоняюсь вокруг, ожидая, а вдруг она выйдет. Почему я не могу войти в ее дом? Потому, что мне скажут: ее нет, она не приехала. Я в этом уверен и оттого надеюсь лишь на телефонный звонок. Днем, когда ее родители на работе, а она остается с бабушкой, есть надежда, что она первой поднимет трубку. Но ведь я не помню номер. И меня охватывает отчаяние, ужасное отчаяние, мне хочется кричать, и я иногда кричу во сне, и когда просыпаюсь, этот крик все еще звенит в моих ушах. Я ухожу от ее дома ни с чем. И так каждый раз. Это повторятся и повторяется в разных вариациях, а утром, припомнив сон, я не могу постичь смысл этих своих переживаний, ибо не питаю к ней уже никаких чувств, кроме обиды. Она мне не нужна, и если бы вернулась не во сне, а наяву, то я бы никогда не стремился встретиться с ней. И все же сны, очевидно, высвечивают какую-то потаенную грань моего сознания, где-то глубоко в душе осталось нерастраченное чувство к ней – там, в глубине памяти, наверное, я все еще любил ее.

В доме долго оставались ее вещи. Духи, помада, зубные щетки, гребешки с вычесанными волосами, лекарства, обувь, кучи шмоток, трусы, колготки – и все пропитано ее запахом, отпечатками ее пальцев, ее дыханием. Я выносил это в сад и сжигал. Смотрел на пламя, и мне чудилось, что сжигаю свою жену, ведь вместе с этими вещами сгорало нечто большее – тепло ее тела, касания пальцев, губ, прядь намотанных на щетку волос вспыхивала с особой радостью, ударяя в нос горьким запахом, возможно, такова она – горечь потери.

Мне казалось, что я и сам с каждым таким сожжением становлюсь все благостнее и чище, словно прохожу Чистилище, прежде чем попасть в Рай. Я умышленно продлевал это удовольствие, хотя мог спалить к черту все огулом, но моя медлительность даровала жертвенную возможность словно бы и самому полыхать с каждой предаваемой огню вещью, сгорать, вспоминая о том, что связано с ней, – где была куплена, когда была надета или использована в последний раз, а когда впервые, так постепенно я истесывал память о ней – щепка за щепкой. И на каждую вещь огонь реагировал по-своему, что-то он хватал жадно и похотливо своими щупальцами и мгновенно проглатывал, а к чему-то присматривался, заходил то с одной, то с другой стороны, облизывал и прищелкивал языком от удовольствия, как настоящий гурман, и так исподволь отгрызал по кусочку, смакуя, а затем долго еще приплясывал на остатках, рассыпая мириады искр. А иногда шипел и злился, и даже громко постреливал, вздымая сумрачную пелену дыма и пепла. Чтобы задобрить его, я подбрасывал ветки и старые газеты, но больше всего он радовался, когда я швырял ему рисунки, эскизы, масляную мазню, на которых была изображена ее матушка – хищная сова с растопыренными когтями, ненасытным кривым клювом и пронзительными глазами. Христя так часто рисовала ее в разнообразнейших ракурсах вовсе не из особой любви к родительнице, не из желания увековечить материнский образ, на самом деле она просто вынуждена была использовать матушку в качестве натурщицы, упражняясь в рисовании портретов, ведь та стерегла ее, как бриллиант в королевской короне, и никуда не выпускала. На некоторых рисунках матушка представала обнаженной, хотя вряд ли она раздевалась перед дочерью, чтобы позировать нагишом, как делают настоящие натурщицы, это уже дочка в своем воображении раздевала мать догола, домысливая отдельные невидимые части тела. Интересно, видела ли старуха это? Думаю, что нет, ведь ее могли бы шокировать столь натуралистические изображения собственных уродств – обрюзгших филеек, выпуклого живота и толстых бедер. Я

с удовольствием наблюдал, как эти тяжелые телеса, массивные ляжки, обвисшие груди деформируются, видоизменяются и надуваются, а затем трескаются, а из щелей выскакивают красные языки, и тело матери чернеет, скручивается, рассыпается, а огонь выплясывает в восторге, словно дикий островитянин, вытанцовывает, пока не угомонится, сосредоточившись на какой-то ляжке, а затем снова игриво подмигивает мне своим багровым оком, чтобы я угостил его свежей порцией пачкотни. Но так нет же, я эти рисунки не сжигаю в один прием, я подкладываю их в костер по одному, торжественно, словно поднося в жертву. Ритуально держу каждый лист на вытянутых руках, прощаюсь, а затем бережно, словно бумажный кораблик, опускаю в огонь, и он какое-то мгновение плывет, покачивается, вздрагивает на его волнах, а огонь будто и не торопится, а присматривается и колеблется, прежде чем полыхнуть со всех сторон и превратить подношение в пепел.

Наверное, и огонь чувствовал, что это была редкостная мегера, которая могла ежедневно закатывать скандалы и своему мужу, и его матери, и дочке, без устали пилить и хаять, брызгая слюной и взрываясь бранью. Муж, привыкнув к материнской кухне, никогда не ел того, что стряпала его благоверная, и это вызывало страшную обиду, изливавшуюся в жуткую истерику. В воспитательных целях она театрально выливала супы в окно, опускала шницели в унитаз, а кашу высыпала ему в постель. Одновременно всем своим змеиным нутром издевалась над бабулькой, к примеру, нарочно подкручивая газ под ее сковороваркой, чтобы еда подгорала. А когда ее на этом подловили, то просто выключала газ, подсыпала соль или перец, доливала воду в суп или бросала кусочек протухшего мясца, которое она всегда на такой случай хранила в морозилке в тройной целлофановой упаковке, потом она списывала все на бабушкин маразм и слабоумие. Однако муж продолжал упрямо манкировать ее обедами, ведь готовить она так и не научилась, и, похоже, в аду, куда она непременно должна угодить, на смоле варят гораздо вкуснее. Она не успокоилась, пока не загнала свекруху в могилу, а осиротевшего мужа – в свои цепкие паучьи сети. С той поры он уже никогда не смог выпутаться из них и, лишенный воли, надежно опутанный, связанный, порабощенный, вынужден доживать свой век в паре со старой паучихой, дряхлея вместе с ней, обрастая мхом и лишайником, не задумываясь о том, что в любую минуту может случиться так, что не будет кому и ложку воды подать, не будет кому похоронить, и только ветер да ночь придут к ним на могилу.

Глава третья

1

Никогда не задумывался, отчего мне нравится читать биографии великих людей, и только недавно пришло на ум: причина – в том, что вся их жизнь была наполнена страданиями, муками и потерями, а ведь ничто так не укрощает собственное отчаяние и кручину, как чужие страдания. И еще я подумал, что клин следует выбивать только клином, а лучше – несколькими, и стал заводить романы на каждом перекрестке, ища себе приключений, столь далеких от моей степенной патриархальной натуры. Меня подхватило столь бурное течение влечений и закружило в своем водовороте с такой силой, что сопротивляться было уже невмоготу, а поскольку мне редко попадались девушки, с которыми хотелось бы после секса понежиться в постели, кайфуя от страстной симфонии, вдохновенно исполненной двумя божественными инструментами, то я менял своих избранниц, как меняют, пардон, носки. Иногда моя близорукость подсовывала мне свинью: приведя вечером барышню к себе, наутро я готов был удирать из собственного дома куда глаза глядят. Когда же они надоедали мне, я их уничтожал, топил в ванне, в озере, в тарелке борща, растворял в кофе, сжигал их вместе с вещами, которыми они захламляли мой быт, я испепелял их, обложив газетами и стихами, посвященными им в минуты малодушия, я разделывал их на кухне, пропускал через мясорубку и подсыпал ими яблони, от чего те плодоносили, как бешеные. Я разбивал сердца в отместку за свое разбитое вдребезги, я вел себя, как браконьер в заповеднике, и не было у меня ни совести, ни жалости, не существовало разницы между добром и злом, я жил, как мотылек-однодневка: без планов, без перспектив, типичный прожигатель жизни… Я бесстрашно приходил на семейные обеды в дома своих избранниц, знакомился с их родителями, вел с ними солидные беседы, строил общие планы на будущее. При этом я отменно играл роль вполне порядочного и покладистого человека, мне доверяли, со мной по-семейному советовались, проявляли ко мне глубокий интерес, тогда как лично меня по-настоящему глубоко интересовало лишь влагалище их доченьки.

Я попытался задуматься над собственным поведением. Это были тяжкие, неподъемные мысли. Я почувствовал себя негодяем, мне приходилось постоянно изобретать какие-то двойные игры, от которых на душе становилось противно, и во всем виноват был несомненно мой стержень, это он двигал моими намерениями, вкусами и идеями. Мой стержень, мой ненасытный блудень, страдал тяжелой формой клаустрофобии: как только попадал в темную закрытую среду, так сразу же приходил в движение. Не раз и не два я представлял себе, как беру в руки бритву – старую раскладную отцовскую бритву, ее лезвие настолько острое, что легко рассекает волосок, и одним движением отрубаю свой конец, потом смотрю на него, только что налитого мощью и кровью, как он выплескивает из себя свою мощь и кровь, никнет, уменьшается, становится беспомощным и слабым.

Я пылал в любви, в страсти и в похоти, я кончал и кончал, кончал во влагалища и уста, в простыни и подушки, в ладони и перси, в листья и цветы, в платочки и салфетки, в трусики и пелеринки, в уши и волосы, в воздух и небеса, в реки и моря, в песок и траву, в газеты и рукописи. Секс позволял мне убежать от себя самого. Убив сотни и сотни миллиардов сперматозоидов, я, безусловно, заслуживаю Нюрнбергского процесса.

Блуждание в бесконечном лесу женщин, которые вырастают на каждом шагу и манят тебя взглядами и улыбками, блуждание в поисках их сладчайших сокровищ похоже на перелет шмеля от цветка к цветку, монотонное собирание нектара, впитывание запахов, поцелуев, ласк, вышептанных слов, шелеста губ. Женщины созданы для любви и измены, их можно любить, а затем превращать в литературу. Однако подсознательно я все же ужасно хотел влюбиться,

даже ощущал в своей душе признаки большой влюбленности, правда, не в реальную особь, а в нечто мглистое и мерцающее, в нечто такое, чего я до сих пор еще не встретил. Исподволь эти блуждания превращались в погоню за счастьем, затаившимся невесть где. Я словно оказался в сказочном дворце с анфиладами, где за каждой дверью тебя ждет неописуемое счастье, и только в одну из сотен комнат входить строго запрещено, за этой дверью – путь в никуда, в тупик, в пропасть, и все же я с какой-то удивительной закономерностью открывал дверь именно той комнаты. Я не знал, что ловить счастье – тщетно, оно должно само поманить тебя возле открытой двери, и чем дольше ты его ожидаешь, тем оно прельстительней. Так же и любовь не может прийти раньше или позже, она придет в назначенное время с одним лишь уточнением – назначать его дано не тебе.

И все же я знал, что в какой-то момент должен остановиться, выбрать одну из многих и упорядочить свою слишком бурную жизнь, и для этого вовсе не обязательно жениться, главное осознать, что она у тебя есть, и ты можешь когда угодно ей позвонить, пригласить на уик-энд, а остальное время посвятить писательству. Но шальная волна безрассудства несла меня, словно щепку, швыряя то вверх, то вниз, временами затягивая в жуткий водоворот, спастись от которого удается лишь крайним напряжением сил. Я не мог остановиться, ведь каждая новая избранница была краше предыдущей, я не знаю, каким образом им удалось так выстроиться в строгой последовательности, однако мне казалось – этому не будет ни конца ни края.

2

Первые мои эротические похождения, начавшиеся с дня, когда я подал на развод, не прибавили мне оптимизма, наоборот, они вызвали еще большую ностальгию по утерянному, казалось, что какой-то фатум висит надо мной. Сначала я переспал с одной знакомой, которая занималась танцами и была значительно выше меня ростом. Никогда не приходилось спать с каланчой? Ну, так и не пытайтесь. Надежда на то, что в горизонтальной позиции ее рост не будет доминировать над вами, – напрасна. Каланча она и в кровати каланча. Особенно, если этой каланче двадцать восемь лет. У Славки грудки были, как у третьеклассницы, я не знаю даже, зачем она вообще надевала лифчик, была такая худющая, что я заочно прозвал ее «Привет из Бухенвальда». Я-то привык во время любовных игр сначала прокладыватъ поцелуями путь к персям, однако в случае со Славкой такая тактика потерпела полное фиаско, мои интенсивные притирания-лобызания в тех местах, где должны были затаиться манящие возвышенности, не вызывали у нее ни малейшего энтузиазма. Она смотрела на меня, как страус на фиалку: сверху вниз. Это ужасное ощущение, когда женщина смотрит на тебя сверху, а ты суетишься, мельтешишь, напрягаешься, пока не расчухаешь, что все твои манипуляции похожи на ухаживания суслика за жирафой. Наконец я решил, что завел ее достаточно, и повалил на кровать. Но, оказалось, ошибся, так как Славка изрекла холодно, словно сама Снежная королева: она еще не готова. Да, так и сказала:

– Я не готова.

И точка. Думай, что хочешь. Она лежит передо мной полураздетая, но еще не готова, а я готов, но еще не при деле. У женщины имеется тысяча и один способ просигналить о собственной неготовности, но ледяной тон Снежной королевы – это уже явно то, чего не ожидаешь и что повергает тебя в смятение. Когда в ответ на твои атаки женщина шепчет нежно и страстно: «Не торопись», это одно, но когда она ставит тебя на место, поневоле чувствуешь себя семиклассником, вознамерившимся поиметь учительницу математики. Еще немного – и она с указкой в руках начнет объяснять, где у нее эрогенные зоны. У Славки эрогенные зоны находились явно не там, где я привык. На сиськах, то бишь на месте их отсутствия, эрогенными зонами и не пахло. Тогда я переключился на ноги, точнее на бедра, стремясь к вожделенной цели. Ноги у Славки были километровые, но и здесь я не добился успеха, она молчала как

партизанка, она лежала как узкоколейка Львов – Перемышль, такая же волнисто-длинная, с той существенной разницей, что ни единый семафор не подсказывал мне о приближении к станции. Я блуждал вслепую, я прошел губами и пальцами по всему ее телу от пяток до ушных раковин, исследовал его лучше, чем Амундсен Антарктиду, но от этого она не перестала быть Антарктидой. В какой-то момент мне захотелось сказать ей пару теплых слов и дать стрекача, но именно в это мгновение она сорвала с себя остатки одежды и, ухватив меня за вставень, направила его куда следует. Дальше я только двигался, как автомат, однако ощущение какой-то несуразности происходящего не оставляло меня. Я был уже изрядно вымучен бесконечной прелюдией, мы опьянели, и было достаточно поздно, мне хотелось спать, в голову лезли дурные мысли, а Славка даже и не пыталась шевельнуться, казалось, я трахал саму Снегурочку, и как только это сравнение пришло мне на ум, как мой меч-леденец бряк – и спрятался в ножны. В глубине души я был даже благодарен ему за это. Я сполз со Славки и сказал: «Давай спать», она молча повернулась ко мне спиной и захрапела. Под утро я реабилитировал себя, однако это не доставило мне никакого удовольствия. Больше со Славкой я не хотел иметь никаких отношений. Я сжег ее, а пепел развеял по ветру.

Иные впечатления оставила после себя оперная певица, которую я прозвал Аидой. Она не была слишком высокой, однако все ее поведение говорило, что она старше меня лет на двадцать, хотя была моложе на пятнадцать. Она принадлежала к тем женщинам, которые просто обречены быть маменьками, только того и ждут, когда им удастся захомутать объект, который они начнут с особым тщанием воспитывать и наставлять на истинный путь. Аида в первый же день, попав ко мне на кровать, высказала сто один совет насчет того, как следует делать ремонт, куда переставить мебель и таким образом превратить холостяцкую квартиру в уютное семейное гнездышко. Секс с ней ничем особенным не запомнился, зато осталось в памяти нечто иное: Аида была ранней птичкой, и, пока я еще спал без задних ног, она доставала из холодильника сырое яйцо, выходила с ним на балкон, проделывала аккуратную дырочку в скорлупе, выпивала одним духом, а после этого распевала на всю округу арию Аиды. Тихие предрассветные Винники, погрязшие в сумраке и дремоте, сразу просыпались: отовсюду доносился бешеный собачий лай, хлопали окна и двери, слышались удивленные голоса и ругань, крякали утки, кудахтали куры, включалась сигнализация… а над всем этим выше крыш и деревьев плыла прощальная песня Аиды. Я с ужасом представил себе эти ежедневные утренние распевы и, растворив Аиду в чашке с кофе, выпил ее за завтраком.

3

Валерия оказалась буддисткой и по вечерам как заведенная бубнила мантры. Каждая мантра была выписана на отдельной полоске бумаги, полоски висели по всей квартире, куда бы ты ни пошел. Те проклятые мантры висели даже в ванной над унитазом. С абажура свисала целая гирлянда мантр, и, когда мы занимались любовью, она произносила их вперемежку со стонами, аханьем и сопением. Ела она только растительную пищу но и ту предварительно скрупулезно делила на инь и ян. Съедобной была только ян: перетертая морковь, картошка «в мундирах», салат из одуванчика и лебеды, суп из крапивы, размоченная сырая гречиха без соли и другие столь же изысканные деликатесы, включая и сперму. Фактически она была весьма выгодной женой. Прокормить ее было так же просто, как канарейку. Мое подворье для нее оказалось настоящим раем: крапива, лебеда и одуванчики родили у меня, как у знатной звеньевой. С такими угодьями я играючи мог бы содержать еще полтора десятка подобных буддисток, правда, при условии, что они не будут засирать мою хату мантрами.

Сокровенной мечтой Валерии было побывать в Тибете или в Непале. Она бредила теми краями и читала одни только буддистские книги. Отдавалась она мне с такой страстью, словно

делала это последний раз в нынешней инкарнации, ибо в последующей жизни она, очевидно, должна была стать каким-нибудь растением, желательно полезным.

После занятий любовью она замирала в позе лотоса на два-три часа, и это мне очень нравилось, ведь намного хуже, если любовница после этого начинает расспрашивать о моих творческих планах или рассказывает о своем безмятежном детстве. Из благодарности я выслушивал и не то, однако меня не оставляло сомнение: а стоило ли вообще платить столь ужасную цену за несколько минут удовольствия? После медитации Валерия сообщала мне, что ее карма полностью обновлена, и если я захочу, то могу поиметь ее еще раз. Она была уверена, что мы встретились с ней только потому, что так пожелал Кришна, и все подсовывала мне какие-то цветные Брахмапутры, но я все же оказался слишком стойким католиком. Однажды завалилась ко мне с такой же прибацанной, как и она, подругой, представившейся Нанмуллей, этим имечком она нареклась в честь древнеиндийской поэтессы, впрочем, меня она сразу же великодушно утешила, разрешив величать ее просто Наной. Валерия, знавшая ее под другим именем, тоже загорелась идеей сменить себе имя и, раскопав среди моих книг антологию древней индийской лирики, известила:

– Юрасик, отныне можешь называть меня Лала. Это сокращенно, а полностью – Лала-дэд. А тебе я, чтобы не выделялся, выбрала имя Джаганатха. Сокращенно Джага.

Я не перечил, и затем они вдвоем принялись прованивать мою хату «травой», ведя при этом глубокомысленные диалоги:

– Я достигла, – говорила Лала.

– Ооооой, праааааавда? Ты достигла? – радовалась, как дурак пирогу, Нана.

– Да, теперь я знаю, что это такое.

– То, что мы называем ЧЕМ-ТО, ДАРУЮЩИМ УПОКОЕНИЕ?

– Именно. Я его достигла. Я почувствовала, что тело мое само по себе, а я сама по себе, тело мое – это словно рубашка, которую я на какое-то время надела на себя, сама же я – только гость в собственной голове… я, будто птичка, впорхнула в клетку тела и живу здесь… Я полностью оторвалась…

– О, Кришна! Тебе удалось то, к чему я так стремилась.

И они бросились друг дружке в объятия.

– Лаааалла!

– Наааана!

– Ты не представляешь, как я за тебя рада!

– Правда?

– Мне еще никогда это не удавалось. Ты возвысилась куда больше, чем я. Ты на истинном пути.

– А главное – моя карма… она теперь совсем другая… Я это поняла…

– Клаааасс! Я горжусь тобой!

– Я обрела царство света. Мои чакры чисты и ясны, я вся, как луч солнца.

– Лаааааллаааа! Ты прооооосто чудо.

Я сидел и слушал весь этот бред, потягивая вино, от «травки» я отказался наотрез, хотя сами они от вина не отказались и продолжали молоть всякий вздор.

– А знаешь, Рона и Ден уехали в Индию.

– Ой, праааавда? И каким образом?

– Автостопом.

– Ну и на фига вам та Индия, – сказал я.

– Джага, ты не шаришь – это ашрам. Мы хотим в ашрам.

– А это что за экзот?

– Это место для медитации и духовного обновления. А еще мы хотим узнать, что такое тантрический секс. Понимаешь?

– Нет.

– Ну, это секс без проникновения, – сказала Нана.

– Какой ужас! Совсем без… проникновения?

– Ну да! Оно, впрочем, и лишнее, ведь оргазм получаешь от чего-то другого.

– Например?

– Например, от медитации через секс, – вставила Лала.

– А-а, это когда я, чтобы не кончить раньше тебя, думаю про неоплаченный газ.

– Вот если бы ты, Джага, задумывался о Кришне или о чем-то другом возвышенном, то это было бы в самый раз.

– И ради этого надо ехать в Индию?

– Конечно. Без УЧИТЕЛЯ нельзя. Он поможет отыскать ТВОЙ центр, – объяснила Нана.

– Какой центр?

– Центральную точку твоего тела, понимаешь?

– А сама ты ее не можешь найти?

– Могу, но не точно. Ее необходимо искать вместе с УЧИТЕЛЕМ.

– И где же, ты думаешь, она расположена?

Нана задрала майку, опустила молнию на шортах, оттянула краешек трусиков и ткнула пальцем прямо в курчавые чащи джунглей Раджастхана.

– О-о, – успокоился я, – собственно, я так себе этот центр и представлял, даже без учителя, но на кой ляд ради этого переться в Индию?

Нана подтянула трусики, дернула вверх молнию на шортах, поправила майку и сказала:

– Это ведь приблизительно. Точка может располагаться на миллиметр левее или правей. Без УЧИТЕЛЯ ее не обнаружить.

– И что будет, когда ты узнаешь расположение своего центра с точностью до микрона?

Знаете, что она ответила?

– Я буду его знать.

– И все?

– Нет. Я буду медитировать на него. Думать о нем, прикасаться к нему.

– Ты о клиторе?

– Возможно.

– Джага, ты пойми одно, – вмешалась Лала, – центр – это тайна. Никто никому не имеет права раскрыть эту тайну. Иначе хана. Иначе кто-нибудь сможет медитировать на твой центр и узнает о тебе та-а-а-кое, что тебе и не снилось.

– Какой ужас, Нана, а можно я прикоснусь к твоему приблизительному центру?

Нана задрала майку, опустила молнию на шортах и оттянула краешек трусиков. Я погладил сначала штат Раджастхан, пощекотал Уттар-Прадеш, проскользнул ниже к Магараштри и, преодолев Годавари, очутился посередке сепаратистского Тамилнада, где указательный палец угодил на влажное побережье Тируванантапурама, а мизинец – в горячую точку Шри-Ланки. Нана закрыла глаза и стала медитировать.

– Ой, и я хочу, – сказала Лала и пододвинулась прямо под мою левую руку, ее центр – о чудо! – располагался так же, как и у Наны, она тоже закрыла глаза и погрузилась в медитацию.

Минут десять я горбатился исключительно на их центры, тогда как мой был предоставлен самому себе, однако вскоре их руки добрались и до него и, выпустив на свободу, начали сеанс тантрагаршапараштри. Вот это, наверное, и есть ашрам, подумал я. А когда Нана наклонилась и начала отыскивать центральную точку губами, а Лала перехватывать в свои, я смекнул, что пришла пора достичь ТОГО, ЧТО ДАЕТ УПОКОЕНИЕ, и радостно выплеснул все свои чакры.

На прощание Нана выдала мне комплимент:

– Мужики, как унитазы: либо заняты, либо засраны. Ты, к сожалению, занят.

Лала в поисках духовного ашрама перешла от «травки» к уколам и умерла от передозировки наркотиков, а меня с тех пор не оставляет чувство, что в каждой выдернутой из грядки морковке, в каждой головке салата может затаиться ее реинкарнированная душа, как бы то ни было, крапиву я на всякий случай больше не употребляю.

4

«Жалкий дохляк-богомол ждет не дождется подходящего момента, зыркая на свою могучую подругу, вертя головой и выпячивая грудь. Его маленькая востренькая мордочка излучает страсть. В таком состоянии он долго и неподвижно созерцает свою возлюбленную, но она не трогается с места, притворяясь равнодушной. А тем временем ухажер наконец, уловив какой-то знак согласия, приближается к самке и раскрывает крылышки, вздрагивающие, будто в конвульсиях: так богомол признается в любви. Наконец его объятия приняты, и если красавица возлюбила беднягу как мужа, то еще больше она полюбила его как весьма вкуснуюдичь. В тот же день или в следующий самка, схватив богомола, парализует его поцелуем в затылок и постепенно маленькими кусочками поглощает всего, оставляя на память одни крылышки.

Мне захотелось узнать, как она примет другого самца. Результат оказался тот же. В течение двух недель одна и та же самка уничтожила семерых самцов. Со всеми она заключала брак и всех заставила поплатиться за это жизнью.

А как-то я увидел такое зрелище. Самец, вцепившись за спину самки, страстно сжимает ее в объятиях, хотя у него уже нет головы, шеи и почти всей передней части туловища. Самка, повернув голову через плечо, продолжает спокойно лакомиться своим мужем, в то время как мужественные останки его тела продолжают исполнять свое предназначение. Говорят: любовь сильнее смерти. Это высказывание никогда не находило более яркого подтверждения. Съесть возлюбленного после исполнения брачного долга, когда он уже больше не нужен, это еще как-то можно понять, но пожирать мужа во время брачных объятий – это превосходит самые жестокие фантазии. Я видел это собственными глазами и не могу прийти в себя от удивления».

$Жан-Анри Фабр (1823 – 1915),
«Жизнь насекомых»

5

Мне казалось, что я, подобно несчастному богомолу, становлюсь жертвой самок, с той только разницей, что ни одна из них не съедает меня целиком, а только мелкими аккуратными кусочками. И все же с каждой покоренной женщиной я неуклонно умаляюсь, какая-то невидимая, но ощутимая для меня часть моего Я исчезает, я становлюсь все более незащищенным, исподволь превращаясь в того самого богомола, который продолжает механическую игру, потеряв голову. Что произойдет, когда и я потеряю голову? Немного осталось. Мои дни проходили в загулах и вечеринках, в сплошном ничегонеделании, а попытки засесть за роман заканчивались все тем же – я срывался и мчал в город в поисках новых приключений. Огромным усилием воли мне удалось лишь ограничить круг своих избранниц, сведя его к трем, и блуждать уже только среди этих трех сосен, а не теряться в чаще, украдкой перебегая от дерева к дереву,

стараясь сохранить дистанцию и не сойти с ума. Лида, Леся и Вера заключали в себе все, о чем можно только мечтать, если бы их лучшие черты были воплощены в одном лице, однако, к величайшему сожалению, их все же было три, и это снова делало недостижимой мою мечту устроить свой быт. Значит, на горизонте должна была появиться четвертая, та единственная, которая и разрешила бы все мои сомнения. Она и не заставила себя долго ждать, но лишь для того, чтобы все еще больше запутать и усложнить.

Лида. Леся. Вера.

Глава четвертая

1

В «Вавилоне», как всегда, висел клочьями сизый табачный дым, еле заметно покачиваясь в одном ритме с приглушенным гулом разговоров и ненавязчивой музыкой. Я сидел за столиком в обществе бутылки шампанского. Она у меня была вторая, я у нее – первый. Люблю быть первым. В голове уже растекалась сладкая благодать, все, чего я желал в этот вечер, – напиться и свалить домой. Ничто не могло мне в этом помешать. Правда, оставалась еще вероятность, что в «Вавилон» нагрянет Олюсь, но, насколько мне известно, он в это время гнал на Москву очередную угнанную для продажи машину. Сам он не воровал, но занимался перегоном, находясь в доле с бригадой Мухи. Одной-двух машин вполне хватало, чтобы жить затем целый месяц безбедно.

Домой идти не хотелось. В конце концов, там меня ожидало бы то же самое – попивать вино и вести с собой душеспасительные беседы, чтобы затем предпринять очередную попытку написать шедевр с бодуна. Вы никогда не пробовали сочинять под газом или с похмелья? Нет? Так и не пытайтесь. Получится сплошная фигня. Хотя в момент вдохновенного бумагомарательства вам непременно покажется, что из-под вашего пера рождается подлинный шедевр, и последнее, что забрезжит в вашем потускневшем сознании перед отходом ко сну: ба, а все же я талант! Утром ваш диагноз изменится, даже не сомневайтесь, а рожденный в винном чаду шедевр упокоится в мусорной корзине. Куда балдежнее коротать время в баре. Забиваешься в отдаленный уголок и оттуда, из уютного полумрака, опершись плечом о стену, закинув ногу за ногу, обозреваешь зал, скользя взглядом от столика к столику, или предаешься тупому созерцанию какого-то пятнышка на столе, почему-то напоминающего тебе сову, и размышляешь обо всем сразу и ни о чем конкретно. А можешь отслеживать то и дело промелькивающее перед тобой девичье прекрасножопие – отличное занятие для скучающих мужчин.

Сидеть под кайфом и ничего не делать – это действительно приятно, и желательно при этом ни о чем не думать, выбросить прочь все мысли, разогнать, словно надоедливых мух, все слова, мелькающие в голове, остаться с сознанием младенца: чистым и прозрачным, не оформленным в слова, а лишь облаченным в расплывающиеся звуки, краски и запахи, ощущая наслаждение от этого дурманящего сумеречного состояния. Я вспомнил, что уже переживал такой период, когда целые вечера просиживал в баре. Это было в 1979 году. Я тогда нигде не работал, но регулярно по воскресеньям навещал книжный базар, где проворачивал кое-какие сделки: покупал, продавал, перепродавал, и вырученных денег вполне хватало на то, чтобы скоротать вечерок в баре за графинчиком сухого вина. Иногда, захмелев, я шарил глазами по залу, брал на мушку приглянувшуюся телку и приглашал на танец, вечер заканчивался у меня дома. В этот раз я никого снимать не собирался, просто не было желания идти домой, где меня никто не ждет, где глухо и пусто, мрак и печаль. Время от времени кто-то со мной здоровался, бросал несколько слов или спрашивал, не жду ли кого, я утвердительно кивал, зная, что в ином случае обязательно найдется желающий подсесть ко мне, отвлечь своими беседами, а я часто люблю за вином помолчать.

Но когда появилась Марта, я сам ее подозвал и предложил со мной выпить. Мне нравится выпивать с девушками, с ними я делаю это гораздо охотнее, чем с приятелями. Может, потому, что отдаю предпочтение вину. Марта – прекрасная собеседница, мужчины ее не интересуют,

с какого-то времени она разочаровалась в них настолько, что решила посвятить себя науке. Если вы уже встречали девушек, отдавших предпочтение науке, то можете легко составить представление о Марте. С кем еще, как не с ней, я мог поделиться последней новостью? Марта сразу же вспыхнула живым интересом.

– Она так и сказала: «Так будет лучше»? Очевидно, имела в виду себя. Но ты не должен терзаться и выискивать в себе причины того, что случилось. Ведь они не в тебе, а в ней, просто она не хочет это признать, намного легче обвинить кого-то другого. В этом ее самозащита. Подумай хорошенько. Наверняка у нее кто-то есть, я даже не сомневаюсь, ведь трудно представить женщину, которая, оказавшись в чужой стране, вдруг решается стать свободной. А значит, все, в чем она тебя обвиняла по телефону, адресовано вовсе не тебе, а тому, кто стоял с нею рядом. И это нормально. Поэтому ты не должен все ее слова воспринимать всерьез. Вместо этого я бы тебе посоветовала, знаешь что?

Она закурила сигарету, с наслаждением втянула дым и, выпустив длинную сизую струйку, взглянула на меня с ободряющей улыбкой:

– Клин клином вышибать. Вокруг столько классных девок, и все они готовы пережить с тобой увлекательный любовный роман.

– Ну, так уж и все.

– Какая разница? Я же образно. Ну, не все, половина, каждая четвертая… Но ведь это все равно с избытком. Ты только оглянись вокруг. А про Христю не думай. Поверь, там не о чем жалеть. Вспомни, сколько в ней дрянного, все ее отрицательные черты. Вспомнил?

– Так вот сразу? Это непросто.

– У нее так много недостатков?

– Не в том дело, они не настолько существенны, чтобы придавать им такой, решающий вес.

– Но ведь они имеются.

– Ну, имеются.

– Тогда давай по порядку. Что тебя больше всего доставало?

– Ты действительно хочешь это услышать?

– Считай, что я твой психотерапевт. Лучшего все равно не найдешь. А я – могила. Ты же знаешь?

– Знаю.

Марта и вправду умела хранить тайны и этим отличалась от других женщин, посвятивших себя науке.

– Тогда начинай.

Я отхлебнул вина и задумался, о чем прежде всего я должен бы ей поведать, но слова вдруг потекли из меня сами по себе, я уже не управлял ими и не фильтровал.

– Она была ужасно ревнива, хотя повода я не давал, однако ей казалось, что я только то и делаю, что по чужим бабам хожу, и не на пироги. Это и впрямь доставало. У них дома клозет не закрывался, и я несколько раз, открывая дверь, попадал на ее маму, невозмутимо восседавшую на унитазе. Я поинтересовался у Христи, почему на двери нет даже примитивного крючка, и услышал, что там должна быть установлена фирменная щеколда, которая одновременно и запирает дверь. И кто ее должен установить? Отец. А почему не устанавливает? Потому что у него не хватает для этого времени. А щеколда уже есть? Есть. Так надо бы вызвать мастера. Не приведи Господь! – ужаснулась она. Отец выгонит его в шею. Он хочет сам установить эту щеколду. Но ведь у него нет для этого времени, правда? Правда. Так почему бы все-таки не пригласить мастера? Потому что у отца имеется свой собственный проект установки щеколды. Но ведь у него нет времени. Ну и что же? А то, что я уже несколько раз заставал твою маманю на унитазе с раскоряченными ногами, и поверь мне, это не лучшее воспоминание о посещении клозета. И знаешь, что я услышал в ответ? Христя обвинила меня в том, что я умышленно

подстерегаю ее маму в клозете, а та намеренно там сидит, поджидая меня, и что вообще она подозревает меня в том, что я заигрываю с ее маманей.

– Боже, какая она шиза! – покачала головой Марта. – И чем это закончилось?

– Я взял и привинтил на туалетной двери крючок. Это вызвало немалый шок у ее папаши, он не разговаривал со мной целую неделю. Однако и крючок не снял. Представь себе, этот крючок продолжает висеть на той двери до сих пор, хотя прошло уже шесть лет, он до сих пор там висит, а новехонькая щеколда с хитроумным замком продолжает лежать нетронутой в фирменной упаковке.

– А маме известно о Христиных фантазиях?

– Наслышана. Но, знаешь, она уже привыкла к этому, ведь Христя была переполнена фантазиями. То есть мама отнеслась к этому вымыслу как к детским бредням. Перед тем Христя уже успела обвинить своего отца, что у него есть любовница, и рассказать, как она их выслеживала. Но знаешь, ведь жизнь не состоит из подобных глупостей, я не очень-то все это брал себе в голову, и хотя оно меня донимало, готов был с этим мириться. У меня не было основания для развода. А теперь оказалось, что именно благодаря этим фантазиям основание нашлось. Она оставила меня потому, что я гулял. Но ведь человеку, обвиняющему тебя в том, что ты соблазнял ее маму, невозможно доказать, что ты не перетрахал всех ее подруг и всех знакомых.

– В этом есть своя закономерность. Ваш брак все равно был обречен. Ведь рано или поздно она довела бы тебя до ручки. А по мере того, как росла твоя писательская известность, возрастала бы и ее ревность. Так что благодари судьбу, что она улетела в Америку.

– Пробую благодарить, да не получается.

– Это просто привычка, понимаешь? Привычка. Ты привык жить с ней, и тут вдруг все обрывается. Становится неуютно. Но это пройдет. Думаешь, когда я решила, что все – хватит с меня любовных романов, жаль терять время на них, мне было легко? Я просто решила для себя раз и навсегда: у меня есть наука. И это главное. У тебя есть литература. Что может быть более важным? Множество писателей обходились без женщин или, по крайней мере, не привязывали себя к ним. Шекспир, Ницше, Кэрролл, Борхес… Да таких самостийных и впрямь бесчисленное множество. Ты же знаешь. Налей мне.

– Но я так не могу. Чтобы совсем без…

– Если ты имеешь в виду секс, то фактически… – она выпила, – собственно говоря, я могу пойти ради тебя на определенные жертвы. Так сказать на переходный период. Я себя на этот счет уже проверила – никакой привязанности. Понимаешь, о чем я? Это для меня как почистить зубы. Иногда я себе это позволяю. Исключительно ради гормонального обмена, ну, чтобы прыщики не высыпали и всякое такое. Легкий секс перед сном и никаких чувств.

Марта была симпатичной девушкой, хотя и не в моем вкусе. Миниатюрная и хрупкая, в постели она могла оказаться заправской наездницей. Но что значит годами смотреть на женщину исключительно как на приятельницу, с которой можно выдуть море вина: в один прекрасный момент, когда ты возжелаешь ее трахнуть, у тебя не встанет. Я не сомневался, что меня ожидал бы именно такой конфуз, и не стал развивать тему сексуально-оздоровительных отношений.

Марта уделила мне час своего драгоценного времени, оторвав его от научных занятий, и ушла домой, а я остался один на один с шампанским и дурацкими мыслями, которые становились все расхлябаннее, пока не разбежались, как тараканы, и я почти совсем вырубился.

– Можно возле вас? – прозвучал чарующий голос где-то в небесах, в безграничной синеве, в магнитной печали звезд и планет, а затем покатился, покатился и замер у меня над головой.

Я механически кивнул. Напротив меня за столик села златокудрая девушка. Она была симпатична. Более того – она была классной. Эти полные страстные губы! А грудь призывно выпирала из-под блузки, заставляя мои волосатые руки инстинктивно и радостно почесы-

ваться. Все достоинства новоявленной я оценил в считаные секунды, достаточные для того, чтобы отвести деланно равнодушный взгляд и снова превратиться в китайского мудреца. И все же вернуться в прежнее состояние ничегонедуманья не удавалось, появление девушки выбило меня из колеи, она неудержимо притягивала к себе мои взгляды и внимание.

Похоже, она договорилась с кем-то о встрече, и хотя я вовсе не был настроен на траливали с незнакомкой, собираясь честно выцедить оставшееся в бутылке вино и свалить домой, однако же и сидеть вот так без слов, ощупывая взглядом мелькающие задницы, или медитировать на пятно с очертаниями совы было, право, неловко, ведь таким образом я рисковал и сам превратиться в сову, по крайней мере, в глазах окружающих.

Подплыл официант. Она заказала кофе, а я попросил бокал. Официант понимающе подмигнул мне. Девушка не обратила на мои слова никакого внимания, словно бы и не услышала их. Уж не подумала ли она, что я вознамерился пить шампанское из двух бокалов по очереди?

Дождавшись официанта с бокалом и кофе, я спросил, смогу ли я угостить ее шампанским. Она взмахнула длинными ресницами, словно бабочка крыльями, и взгляд ее взлетел прямо на кончик моего носа. Нос мой не был шедевром архитектуры еще с того далекого дня, как его перебили, и что она там разглядывала, осталось для меня загадкой. Ее уста-пионы приоткрылись ровно настолько, чтобы в них могла закатиться горошинка, и я услышал ответ: «Можете», после чего они раскрылись ровно настолько, чтобы в них вместилась вишня. И это был явный прогресс. Она смотрела, как я наливал шампанское, а уголки ее губ озарялись улыбкой. Я поднял бокал и изрек привычную банальность:

– Выпьем за знакомство?

– А ведь мы с вами знакомы, пан Юрий. Правда, в одностороннем порядке, – улыбнулась она. – Меня зовут Ульяна.

Она сделала аккуратный глоточек и поставила бокал на стол. Ну да, этого следовало ожидать, ведь в «Вавилон» приходила специфическая публика, здесь преимущественно все всех знали.

– Ах, так, – кивнул я, – значит, вы читаете «Поступ»?

– Конечно. Это моя любимая газета. Но я также читала «Девы ночи». Вы действительно пережили все то, что там описано?

После бутылки шампанского я всегда готов рассказывать обо всем, что пережил. Я распустил все паруса и поплыл по своему привычному фарватеру. Ульяна оказалась на удивление говорливой, и со стороны общение с ней выглядело так, словно мы знакомы уже бог знает сколько времени. Она услышала от меня все, что ее интересовало о редакции «Доступа», о каждом из журналистов в частности и о моих творческих планах лет на сорок вперед. О судьбах Украины мы речь не вели. Когда мы допили бутылку, в ее голосе задрожала именно та легкость, которой мы всегда добиваемся, спаивая девушку. Однако меня не оставляло тягостное подозрение, что она кого-то ждет. Ну, разве может такая красотка быть одна?

Когда он появился, я сплетал очередную паучью сеть и уже видел, ясно видел, как Ульяна, расправив ангельские крылышки, летит мне навстречу. И вдруг такой облом. Он плюхнулся в кресло возле нее, небрежно развернувшись ко мне боком, и сказал: «Привет!» Он сказал «привет» не мне, а только ей и одновременно чмокнул ее в разрумянившуюся щечку. Это был парень студенческого возраста, возможно, ее однокурсник, высокий, неуклюжий, с прыщиками-хотеньчиками на морденции и нахальным выражением там же. Если вы видели когда-нибудь карту Полинезии, усеянную малюсенькими коралловыми островками красного цвета, то будете иметь полное впечатление о том, как выглядела его физиономия. Излишне говорить, что выражение его лица мне не понравилось. Манеры тоже. Он делал вид, будто и не заметил, что его девушка минутой раньше разговаривала со мной, меня он подчеркнуто игнорировал. Ну и хрен с ним.

– Что ты пьешь? – поинтересовался Прыщик, словно на столе кроме пустой бутылки из-под шампанского стояла еще целая батарея напитков, и безо всяких церемоний отхлебнул из ее бокала. – Классно, – сказал он, облизываясь.

Он все еще продолжал сидеть боком ко мне, пожирая глазами свою кралю и совершенно не обращая внимания на того, кто сидел напротив.

– Я пью шампанское, это меня пан Юрко угостил, – ответила Ульяна, после чего весь тот архипелаг прыщиков-хотеньчиков развернулся по экватору на 45 градусов. Лицо его просветлело, когда он услышал, кто я, он даже изобразил что-то наподобие улыбки и протянул лапу. Моя ладонь утонула в ней, как нога Золушки в солдатском кирзаче.

– Бодя, – сказал Бодя.

– Мы вместе учимся, – добавила Ульяна, словно бы намекая мне, что я и дальше могу плести свои сети, ведь однокурсник – это так тривиально, все в свое время начинают романы с однокурсниками. – Пан Юрко рассказал мне столько интересного! Он тоже ваш фан, – кивнула на Бодю, – читает все, что выходит из-под вашего пера. У них в комнате даже жребий бросают: кто первым будет читать вашу книгу, а затем дискутируют. Раз даже до драки дошло.

Бодя мотал головой и жадно посматривал на шампанское. Я подумал: пусть попросит. Он столько времени меня не замечал, так почему я должен обращать внимание на его жажду? И он попросил. Но не меня, а ее.

– Можно, я еще надопью? – спросил. – Что-то в горле пересохло.

Я жестами объяснил бармену, что надо, и спустя минуту официант принес еще одну бутылку и бокал.

– О-о! – обрадовалась Ульяна. – Вы хотите нас споить?

– Упаси Бог, просто у меня такое настроение.

– Какое?

– Такое.

– Не может быть. У вас горе?

– Нет, но есть желание выпить.

Я наполнил бокалы.

– За что выпьем? – поинтересовался Бодя.

– За знакомство, – сказал я.

– Ну да, за знакомство, – подтвердила Ульяна, и мы чокнулись.

Бодя на глазах расцветал, после первого бокала его физия порозовела и коралловые островки уже не так бросались в глаза, однако продолжали неопровержимо утверждать: она ему не дает. В душе я рассмеялся. Ведь я и сам полгода постился. Полгода? Какой ужас! Шесть месяцев без оргазма!

– А все-таки какой у вас повод, чтобы выпить? – докапывалась Ульяна.

– Повод уважительный: сегодня я получил свидетельство о разводе.

– О-о, – удивилась она, – это и впрямь знаменательное событие. Но не знаю, право, то ли поздравлять вас, то ли сочувствовать.

– Скорее первое.

– Так вы недолго жили вместе?

– Ну, ежели по мне, то долго – семь лет.

– Она была стерва? – понимающе спросил Бодя.

– Нет, – отрезал я. – Она была образцовой. Однако не для меня.

– И что же она делает в эти минуты? – спросила Ульяна. – Тоже пьет шампанское?

– Нет. Она никогда не пьет шампанское среди дня. Она в Америке. А там сейчас обеденное время.

– И давно она в Америке?

– Полгода.

– А почему вы не уехали к ней?

– Мне и здесь хорошо.

– Здравая мысль, – бросил Бодя, – никому мы там на фиг не нужны.

Я подливал ему и подливал, а он старательно выпивал до дна и на глазах пьянел. Ульяна пыталась его сдержать, но все было напрасно. Наконец она перестала обращать на него внимание и сосредоточилась на мне. Такое впечатление, что она за один вечер решила выведать обо мне все. Наши колени под столом соприкасались, и я подумал, что самое время сжать ее колени своими. Что и сделал, чокаясь с ней, а она улыбнулась и только зыркнула искоса на Бодю, который уже пришел в нужное для меня состояние – он был просто никакой. Когда он пошатываясь вышел в туалет, я предложил:

– Давай выпьем на брудершафт.

Эта идея ей понравилась, она пододвинулась ко мне, мы сплели руки и осушили бокалы, а затем я наклонился к ней и припал к ее губам. Чувствовал нежный трепет язычка, пьяную вишню налитых соком губ, и голова моя пошла кругом. Поцелуй продолжался, наверное, с полминуты, и этого было достаточно, чтобы между нами пробежал незримый разряд молнии, а в глазах появилось сладкое предчувствие будущей страсти. Будто устыдившись своей мимолетной слабости, Ульяна после поцелуя кокетливо опустила взгляд на поверхность стола и начала водить по нему пальчиком. Подошел Бодя и рухнул на кресло, словно мешок с картошкой.

– Так шо? Пить будем?

– Думаю, с тебя хватит, – сказала Ульяна в стол.

– А я думаю, что нет, – возразил Бодя и потянулся за бутылкой.

– Может, не стоит хамить? – перехватила его руку Ульяна. – Это не твоя бутылка. Ты хотя бы разрешения спросил.

– А давайте все вместе и выпьем, – предложил я добродушно и разлил вино по бокалам.

– Бодик пить не будет, – твердо отчеканила девушка.

– А че это я не буду? – возмутился он.

– Потому что я так сказала.

– А че это ты мной командуешь?

Его язык заплетался, а весь он надулся и налился свекольными соками.

– Попробуй только выпить, – сказала она.

– И попробую.

Я не вмешивался. И без моего участия все шло к естественной развязке. Он выпил и жестом победителя водрузил пустой бокал на стол.

– Ты выпил, – констатировала ледяным тоном Ульяна, не сводя глаз с его бокала.

– Выпил. И еще выпью.

– Нет. Ты пойдешь сейчас прочь отсюда.

– Я? Пойду? Я? А вы здесь останетесь, не так ли? А-а, усек, он уже тебя охмурил?

– Боже, если бы ты знал, какой ты сейчас отвратный! – процедила сквозь зубы.

– Я отвратный? А он какой? – показал на меня пальцем.

Я молчал и допивал свое шампанское. Все шло как надо. Костер разгорался, и для поддержания огня нужды в моих дровах не было.

– Так, – сказала она, – встал и ушел. Баста.

– Ниче себе! Ты шо, оборзела? Ты с ним хочешь остаться?

– Не твое дело.

– Ах, не мое? Ну, блин… – тут он засопел, пронзив меня бычьим взглядом, и поднялся с кресла, а я подумал, что вот и наступил тот незабываемый миг, когда я могу получить от Боди в нос. Фактически такая возможность меня не пугала. В моей практике уже был случай, когда я получил по морде от конкурента, после чего телка, из-за которой мы дрались, как псы за кость, окончательно выбрала меня. Главное сжать зубы, чтобы не вылетели, а так оно совсем даже и не

страшно, к тому же здесь в тесноте он не сможет и размахнуться как следует. Главное: ни шагу назад. И не пытаться уклоняться от удара, не прятаться, не заслоняться руками. Нужно принять зуботычину как должное, один-единственный удар, другого не будет, и когда кровь выступит в уголках губ, не облизываться, а ждать, когда дама броситься к тебе с платочком. И при этом ничем не выдать, что ты ожидал этого удара, он должен выглядеть неожиданным, а потому я отвел свой взгляд от Боди и отрешенно посмотрел куда-то в сторону. Для находящегося в такой полуромантической позе неожиданный удар – это все равно что коварный выстрел в спину. И нет такой дамы, которая бы его не осудила.

И в этот миг я увидел Олька. Он шел к нам, на ходу оценивая ситуацию. Судя по выражению его лица, он оценил ее безошибочно, и спустя три секунды его лапа упала на Бодино плечо, а сквозь сжатые зубы повелительно прозвучало:

– Исчезни! Сию же минуту.

– Что? – набычился Бодя и сделал шаг навстречу Ольку.

– О-о-ой! – простонала Ульяна.

– Я сказал: исчезни! Живо! – и левая ручища Олька, схватив парня за шею, сжала, словно клещами, с такой силой, что у Боди слезы выступили на глазах, а правая заломила руку Боди за спину и толкнула его к выходу.

Ульяна взволнованно провожала их глазами и, похоже, колебалась, не выбежать ли и ей вслед за ними. Все присутствующие также наблюдали за этой сценой, а когда Олько с Бодей исчезли, их взгляды прикипели к нам.

– Не бойся, – успокоил я Ульяну, – с ним ничего не случится. На свежем воздухе протрезвеет.

– Он никогда еще таким не был. Какой ужас!

Вернулся Олюсь, сел возле нас, и мы наконец поздоровались.

– Это Олюсь, – сказал я. – Мой товарищ. А это Ульяна.

Олесь расплылся в улыбке:

– Ульяна, а есть ли у вас подружка, такая же симпатичная, как вы?

– И не одна.

– Познакомите?

– Разумеется. Правда, они все заняты.

– Это не проблема. Я вне конкуренции.

– Ха-ха! А не страдаете ли вы комплексом неполноценности?

– Нет, но заставляю страдать других. Что пьем? Шампанское? Нет, это не для меня.

Он подозвал официанта и заказал коньяк.

– Мы с Ульяной только что познакомились, – сказал я.

– Я так и понял. А что это за кент здесь хорохорился?

– Мой однокурсник, – разъяснила Ульяна. – Вообще-то он хороший парень, но вот сегодня… явно перебрал.

– Ну, ясно, почему бы на шару и не назюзиться. Такое с каждым может случиться. Удивляюсь я, что вы в нем нашли. По-моему, у него только одна извилина да и та, извините, на заднице. А не прихватить ли вам, Ульяночка, завтра свою подружку, и мы устроим славный пикник на природе.

– Хм… Предложение интересное.

– Значит, договорились, – констатировал Олько. – Завтра как раз суббота. Встречаемся в двенадцать. Заедем на рынок, закупим снедь и – вперед.

Ульяна отлучилась на минутку, и я спросил Олька:

– А ты почему не в Москве?

– Отпала необходимость. Хозяин согласился заплатить две штуки, и мы ему вернули пропажу. Я отхватил полштуки. Нормально?

– Наверное. А если бы он подстраховался эсбэушниками?

– С нами был мент. Впрочем, если бы я отогнал тот «фольксваген» в Москву, то один заработал бы две штуки.

– Но ведь есть риск.

– Риск есть всегда. Через неделю еду в Польшу на «опеле».

– Его уже угнали?

– Нет, еще только пасут. Перегонять буду в тот же день, когда уведут. Махнем вместе? Расслабишься. Гульнем в Кракове по полной программе.

– А обратно как?

– Обратно на «фольксвагене».

– И его тоже пока еще только пасут?

– Наверняка.

– А как же граница?

– Таможенники тоже на хлеб заработать хотят, – засмеялся Олько. – Давай соглашайся, девчонок с собой прихватим. По-моему, расслабуха тебе сейчас как никогда кстати, разве не так? – он хлопнул меня по спине.

– Выходит, что так. Ты и в самом деле хочешь девчонок взять?

– А что?

– Ульяну с подружкой?

– Относительно подружки пока не уверен, ведь я ее не видел.

– А гостевое приглашение?

– Не проблема. У меня куча бланков с печатями. Остается только фамилию вписать.

Вернулась Ульяна. Губы, с которых я слизал помаду, снова блестели кармином.

– Хотите сюрприз? Та подружка, которую я хотела пригласить на завтрашний пикник, здесь.

Олюсь сразу оживился и стал пялиться во все стороны:

– Где? Покажите.

– Я встретилась с ней возле зеркала. Сейчас она войдет. Правда, она не одна. С парнем.

Мы все уставились туда, откуда должна была явиться Ульянина подружка. Посреди зала несколько пар сонно топтались под итальянскую песенку. Между ними, повиливая бедрами, проплыла официантка с подносом, заполненным пустыми бокалами. Спустя минуту оттуда же прошмыгнула высокая блондинка в обтягивающих голубых джинсах и, осторожно обходя танцующих, посеменила вдоль столиков. Она двигалась с удивительной грациозностью, покачиваясь всем телом, и, глядя на нее, Олюсь даже вздрогнул от восторга и залихватски прищелкнул пальцами. Блондинка села напротив парня. На столе у них было две чашки кофе и две рюмки с ликером.

– И как же ее зовут? – спросил Олюсь.

– У нее два имени: Лидия-Христина.

Олюсь засмеялся:

– Кажется, у нашего Юрка на имя Христина аллергия.

– Нет, уже прошло, – сказал я.

– Ага, твою жену звали Христей? – кивнула головкой Ульяна.

– Даже если бы ее звали Ульяной, это ничего не значило бы. Все чувства во мне уже испарились. Я пуст, как бубен. А подружка твоя и впрямь хороша. У Олюся на этот счет – глаз-алмаз!

– Она мне понравилась, – сказал Олюсь, не сводя глаз с блондинки. – А кент при ней, что за птица?

– Жених, – сказала Ульяна. – Заканчивает медицинский.

– Заканчивает медицинский, а угощает каким-то дешевым ликером? Передайте ей мой совет: пусть не выходит за него.

– Сами передадите, когда я вас познакомлю.

– И когда же произойдет это знаменательное событие?

– Очевидно, завтра.

– А почему не сегодня? Я готов именно сегодня. А точнее – уже сейчас. Как же мне обратиться к ней? Лидия-Христина?

– Мы называем ее Лидой.

В этот момент зазвучала свежая мелодия. Тото Кутуньо. Олюсь решительным шагом направился к дальнему столику.

– Такое надо видеть, – сказал я и, ухватив Ульяну за руку, вывел ее на середину зала, откуда мы могли все видеть и слышать. А предстоящая сцена стоила того.

Олюсь: Разрешите вас пригласить?

Парень (не давая девушке и рта раскрыть): Нет, она занята.

Олюсь: Не говори «за здоровье», пока тебе не налили (девушка рассмеялась). Панно Лидуся, неужто вы мне откажете?

Лида: Откуда вы меня знаете?

Олюсь: Интересно? Сейчас я вам все расскажу. Так потанцуем?

И он решительно и в то же время очень элегантно вывел ее из-за стола, совершенно не обращая внимания на возмущенные взгляды жениха. А когда они приблизились к нам и Лида увидела наши улыбающиеся лица, то сразу догадалась:

– А-а, Ульянка! Это ты подстроила?

– Боже упаси, я только сказала, как тебя зовут. Но ведь это не государственная тайна?

Ульяна прижалась ко мне, и мы поплыли в медленном ритме, ее руки обвили мне шею, а головка прижалась к плечу. Я ощущал ее тело, упругое и крепко сбитое, ни грамма лишнего. Губами прикоснулся к ее ушку и почувствовал, как она прижимается еще сильнее. На мгновение я задумался, надо ли мне так плотно прижиматься к ней, ведь мой торчилло всегда начеку, и вот он уже рвется в атаку, распирая мне джинсы и целясь ей как раз в низ животика. Она почувствовала его и стала слегка притираться, виляя бедрами. О блин! Сейчас кончу! Но музыка закончилась раньше. Мы вернулись к столику, заведенные и пылающие от возбуждения. Другие пары также разошлись, посредине оставалась лишь одна: Олюсь и Лида. Они застыли в позе последнего па. Было видно, что Олюсь в чем-то убеждал девушку, она колебалась и как-то искоса, почти украдкой бросала искрометные взгляды в сторону своего парня. Тот не спускал с них глаз. И вдруг: о чудо! – Олюсь повел девушку прямо к нашему столу.

– Фантастика! – не удержалась Ульяна.

– Олюсь – мастер своего дела. Он такой, что и камень уговорит.

– Бедный юноша, – кивнула Ульяна в сторону Лидиного жениха.

– Ну, Юрко, наливай! – сказал Олюсь, усаживая девушку рядом и придвигая свое кресло поближе к ней.

– Я только на минутку, – предупредила Лида.

– Мы уже договорились на завтра, – сообщил Олюсь.

– Ли-и-и-и-идка! – обрадовалась Ульяна. – Познакомься, это Юрко.

– Я уже догадалась. Вы меня, конечно же, не помните?

– А должен?

– Вовсе нет. Я брала у вас автограф. А в знак благодарности подарила розу. Вы тогда прикололи ее к своей ветровке.

– Это было на презентации «Доступа» в филармонии?

– Ага! – обрадовалась она.

– Так вот оно что, а я думаю, где же вас видел!

Еще бы такую кралю забыть! Я долго ее вспоминал. Но в тот вечер почему-то не удосужился ответить ей комплиментом-приглашением, вроде этого: «За автограф – кофе. Когда встретимся?»

Мы чокнулись, нас пронизывал все тот же испепеляющий взор покинутого парня. Он нервно подергался на стульчике, выпил вначале свой ликер, а затем опрокинул и полную рюмку своей девушки. Закурил. Кажется, только я один и следил за ним вполглаза.

– Девушки, а хотите узнать, куда мы поедем в ближайший уик-энд? – спросил Олюсь.

– Ну-ка, ну-ка, интересно.

– В Краков.

– Ух ты! – обрадовалась Ульяна. – Вот только заграничных паспортов у нас нет.

– Чепуха! В понедельник даете мне фотки и украинские паспорта, а в четверг получаете заграничные.

Парень очень плохо реагирует на громкий смех из-за нашего стола. Он тушит сигарету, резким движением останавливает официанта и сует ему деньги. Затем встает, какое-то мгновение колеблется, бросает в нашу сторону прощальный выстрел-взгляд и выходит. Я не спускаю с него глаз, однако молчу. Но, оказывается, Олюсь тоже заметил его уход и подмигивает мне, с самодовольной улыбкой.

– Наливай, Юрко! Лидусик, а знаете, наш Юрко тащится от имени Христя.

– Правда? Почему?

– Его бывшую жену звали Христей.

– И что с ней?

– Он утопил ее в ванне.

– Шутите?

– Какие могут быть шутки? Я ему помогал.

– А куда дели труп?

– Выбросили в Полтву[2]. В лунные ночи по берегам Полтвы бродит ее неприкаянный дух в белом платье и тяжко стонет.

– Какой ужас!

Мы хохочем, как сумасшедшие. Олько сыплет анекдотами, я наливаю, время пролетает так незаметно, что когда Лида наконец опомнилась и оглянулась, то за столиком, где она прежде сидела со своим парнем, пьянствовала компания из «Радио-Люкса».

– О боже! А куда делся мой кавалер? – удивилась она.

– Уплыл в неизвестном направлении, – сказал я.

– Почему же вы мне не сказали?

– Я думал – он в туалет.

– Лидусь, не печальтесь, мы его здесь подождем, – по-свойски обнял ее Олюсь. – А теперь потанцуем.

И мы снова покачивались, и терлись, и скользили руками, не замечая вокруг никого, а когда я нырнул языком в Ульянино ушко, она застонала и прошептала:

– Веди себя прилично.

– Возле тебя невозможно вести себя прилично. И, кроме того, я ужасно голоден. Я, словно дикий зверь, готов тебя проглотить.

– Ах, ну конечно, я ведь забыла, что мы уже полгода в холостяках, – она разомкнула руки на моей шее и прижала ладони к моей груди, смеясь и слегка отталкивая. – Не стоит будить зверя. – И, заглянув мне в глаза, спросила: – И что? Неужели мы целых полгода хранили добродетель?

– А ты как думаешь?

---

[2] *Полтва* – река, на которой стоит Львов.

– Думаю, что с таким приятелем, как Олюсь, очень тяжело не вляпаться в какую-нибудь веселую историю.

– Ошибаешься. Наоборот, мне приятно было осознавать, что вот сколько разных искушений вокруг, а я тверд, как камень. Волны страстей разбивались о мою грудь и откатывались назад. «Стоял, недвижим, как скала…» До нынешнего дня.

2

Так и прошел этот день в обществе девушек, пока в одиннадцать бар не закрылся и мы не повели наших барышень по домам. У подъезда мы с Ульяной полчаса лобызались, мои руки беспрепятственно шарили по ее сладчайшим ягодицам, а когда я коснулся пышущей жаром груди, Ульяна со смехом вырвалась и убежала вверх по лестнице, бросив на прощанье многообещающее:

– До за-а-втра!

Я был изрядно во хмелю и все же по дороге домой почувствовал, что должен выпить еще, иначе расклеюсь, меня вдруг охватила душераздирающая тоска по жене. В Винниках я купил бутылку шампанского и, плетясь полтора километра до дома, хлестал вино прямо из горла. Вокруг царствовала ночь, окна были темны, ни единой живой души не встретилось мне по пути. Я вливал в себя шампанское, весело размахивая бутылкой, и со стороны смахивал, наверное, на последнего алкаша. Но тоска нарастала, вино не глушило ее. Я задрал голову и увидел тихое звездное небо. Показалось, что душа моя вот-вот выпорхнет и умчится туда, к светилам. Но это была не душа, а проклятое шампанское – оно вырвалось из меня фонтаном заодно с перекисшим содержимым моего желудка.

3

Солнечным субботним днем автомобиль с двумя радостными парами мчался в направлении Каменки-Бузской. Впереди сидели Олько с Лидой и болтали без умолку сзади – мы с Ульяной, а за нашими спинами давил на подвески багажник, щедро упакованный напитками и закусками.

Я чувствовал себя превосходно, несмотря на вчерашний перепой. Вчерашняя моя ностальгия уже с утра показалась просто смешной. Да пошла она! Жизнь только начинается. Снова. Конечно, я уже не тот удалец, каким был семь лет назад, у меня появились залысины, седина, но ведь и энергия бьет ключом. Как говорится, седина в бороду – бес в ребро. Я снова готов к подвигам. К тому же пишу роман о мифической поэтессе и понемногу начинаю верить в ее существование и в нашу с ней встречу.

Если бы не сегодняшний пикник, я бы снова корпел над рукописью. А писал я не только роман, я еще и вымучивал на бумаге повесть, которую заказал мне Кривенко[3] для «Доступа».

– Сваргань этакий сюжет с секс-бомбой внутри, чтобы бабахнуло и потянуло на скандал. Чтобы сюда, под окна нашей редакции, приперлись депутации целок и импотентов с транспарантами и кричали: «Долой Винничука из нашего девственного города!»

Публикации моих «Дев ночи» и «Жития гаремного» закончились. Снова возникал заказ на скандал. Но я не знал, что писать. Каждое утро, просыпаясь, чесал репу и спрашивал себя: что же это должно быть?

Целое утро при мысли об Ульяне мой неуемный блудень, мой неустанный Ванька-встанька заступал на пост, но как только я переставал думать о ней, падал ниц. Сейчас в машине он снова встал в стойку. Неужто я сегодня ее не уломаю? В ее присутствии моя голова не хотела

[3] *Александр Кривенко* (1963 – 2003) – главный редактор популярной газеты «Post-Поступ».

думать ни о чем другом, только о страсти, любви, ласках. Глазами я раздевал Ульяну, да разве только раздевал, я кромсал на ней одежду, срывал зубами пуговицы, резинки, даже шнурки. Боже, я еще никогда никого так не желал, как ее. Это было невыносимо.

Машина свернула на лесную дорогу, несколько минут мы тряслись по ухабам, пока не остановились на просторной залитой солнцем поляне. Неподалеку журчал ручей.

– Ну что, классное местечко? – напрашивался на похвалу Олько.

Мы достали из багажника покрывало, расстелили его на траве, девушки начали раскладывать продукты. Тем временем Олько позвал меня собирать хворост для костра. Отойдя в сторону, он заговорщически прошептал:

– Сценарий таков. Сейчас выпьем, перекусим и разведем костер. И тут я скажу, что мне позарез нужно позвонить во Львов. Мы сядем с Лидой в машину и укатим в сторону ближайшей почты. Маршрут мы, конечно, уточним и даже немного заблудимся… Понимаешь? Ну, а ты здесь тоже времени не теряй. Часа тебе хватит?

– Думаю, что да.

– Лады. Когда я буду возвращаться, то посигналю, чтобы не застать вас в пикантной ситуации. А сейчас надо бы хорошенько накачать наших подруг вином. Так что действуем!

В этот раз мы с девушками пили мартини, размешивая его с сухим шампанским, а Олько – коньяк. Мартини с шампанским вставляет нормально, вскоре я уже любовался делом моих рук, то есть охмелевшими Ульяной и Лидой. Мы громко орали и ржали, словно кони. Время шло, и я уже с тревогой посматривал на Олька: уж не изменился ли его план? Наконец он спохватился и объявил, что должен отлучиться на несколько минут, чтобы позвонить с ближайшей почты. Но здесь случился конфуз: Лида ехать не хотела. Ни в какую.

– Я не хочу, мне и здесь хорошо, – упиралась она.

Тогда Олько прибег к последнему аргументу:

– Но ты мне нужна, ведь надо же кому-то посидеть в машине. Пока я буду звонить. Разве непонятно? Иначе угонят машину за считаные секунды. Только ее и видели. Ведь здесь такие места бандитские – почти дикий Запад.

И тут случилось непредвиденное. Согласилась Ульяна:

– Ну, давайте я поеду. Это же ненадолго?

Олько замялся, глаза его нервно забегали. Лида словно радовалась такому повороту дела.

– Езжайте, езжайте, – смеялась она, – а мы тем временем колбаску поджарим.

Олько все еще пребывал в растерянности, то и дело вопрошающе посматривал на меня, я же пожимал плечами, не находя слов. Впрочем, отступать было уже некуда. Ульяна поднялась и пошла к машине, многозначительно помахав нам пальчиком:

– Вы здесь смотрите мне.

За ней потопал хмурый и озадаченный Олько. Его план потерпел фиаско уже в самом начале, значит, следует ожидать полного провала и на финише.

– Ну, что, – сказал я, – выпьем с горя? – и наполнил бокалы.

– Почему же с горя? Вы огорчены, что не остались с Ульяной?

– Да нет, я не себя имел в виду. Горе-то у нашего Олька. Из-за того, что не смог уединится с вами.

– А что бы это ему дало?

– Не знаю. Но он хотел именно с вами съездить на почту.

– Так я ведь догадалась, что почта всего лишь повод. Вот и решила не портить ему настроение. Вместо этого, кажется, испортила его вам. Не так ли?

– Пока что нет. А знаете, как сложилась судьба подаренной вами розы?

– И как же? – спросила она, отбросив с глаз длинную прядь волос.

– Я храню ее в одной книге. Она усохла…

– Книга?

– Нет, роза. Каждый раз, когда я беру эту книгу в руки, смотрю на цветок и вспоминаю вас.

– Не верю.

– Но это правда.

– А что за книга?

– «Маньёсю». Антология японской средневековой лирики.

– Никогда не читала. И часто вы заглядываете в эту книгу?

– По меньшей мере, раз в неделю.

– И раз в неделю вспоминаете обо мне?

– Это я делаю пятьдесят два раза в году.

Она посмотрела на меня с удивлением и с таким огоньком в глазах, будто открыла меня для себя только сейчас. В руках мы держали наполненные бокалы и смотрели друг на друга, не мигая.

– Так, может, нам следует перейти на «ты»? – сказал я. – Выпьем на брудершафт?

Лида улыбнулась с хитринкой в глазах:

– Это ваш тактический ход, чтобы затем поцеловаться?

Я собрался возразить и даже шатнул головой, но язык меня не послушался и вымолвил:

– Да.

Кажется, голос мой в этот миг задрожал. И тогда она пододвинулась ближе, завела свою руку с бокалом за мою, мы выпили, не сводя глаз друг с друга, а затем отложили бокалы – поцелуй наш длился так долго, что я не смог потом вспомнить, когда еще и с кем я так бесконечно сливался в одном лобзанье. И в этот раз дело не ограничилось целованием, мы упали на покрывало, левая моя рука очутилась у нее под головой, а правая ласкала ей спину, затем перебралась на грудь, в твердые и идеально округленные холмогоры, далее я расстегнул ей блузку, лифчик и, высвободив одну белую голубку, взял ее в ладонь, но она не вместилась, она билась в горсти и пульсировала, эта пойманная птаха, а пипочка под ладонью набухала, наливалась, а тела наши тем временем так тесно прижались, что я ощутил, как она реагирует на мой отвердевший стержень, под властью ее чар превращающийся в царственный жезл, и я не выдержал, выдернул руку из-под блузки и начал поглаживать ее бедра, вот моя нога между ее ног, и рука вошла туда же, и я ощущаю жар, оттуда пышущий, пальцы потянулись к пуговице на джинсах, никакого сопротивления, столь же уверенно они расправляются и с молнией, рука ныряет ниже, ниже, и палец мой тонет в горячем мякише, а вот и ее рука ложится на мой жезл, ну все, нечего медлить, я стаскиваю с нее джинсы, и все это в течение того самого поцелуя, снимаю трусики, снимаю с себя и, не отрывая губ, ложусь на нее, а она принимает меня, прикрыв глаза, постанывая в поцелуе, я же чувствую, что в столь яростном перевозбуждении могу не удержать сокровища своего жезла, и отлетаю в мыслях далеко-далеко, и витаю там, пока она не достигает оргазма и не отрывает свои губы от моих, чтобы возопить сладостно во весь голос, в синь небесную, в лесную свежесть, и кончаю сразу после нее, даже не успев спросить, можно ли в нее кончить, и сваливаюсь, обессиленный. Мы лежим какое-то время молча с глазами в облаках и пролетающих птицах. Мой жезл, мой стержень, мой ствол еще с минуту ритмично пульсирует, нацелившись ракетой в зенит, но, не дождавшись старта, сникает. Дышим громко и радостно. Я нащупываю ее пальцы и сжимаю, она отвечает на пожатие, пальцы сплетаются и замирают. Я приподнимаюсь и вижу ее тело – молодое и прекрасное, целительное тело, первое тело, от которого я в восторге после отчаянного марафона в поисках мечты, тело, которого я желал, наконец оно утолило жажду и разбудило желание снова в кого-то втрескаться по сами уши.

– Налей мне, – говорит она.

– У меня тоже пересохло во рту, – говорю я, и мы выпиваем.

– Ты в меня кончил, свинтус… – Ее взгляд опускается на покрывало, там следы моей спермы. – Оба-на!

– Сейчас вытру. Это ничего, что я в тебя?

– К счастью, у меня только вчера дела закончились. Ну, ты пока убери здесь следы греха, а я – в кустики.

Она прихватила бутылку с водой и, сверкая белой попой, скрылась в кустах. Я, не мудрствуя лукаво, перевернул цветастое покрывало обратной стороной, чтобы скрыть следы страстной любви, и снова расставил на нем бутылки и бокалы. Затем натянул джинсы и выдохнул из груди счастье, которое меня просто распирало. И тут вспомнились Олько с Ульяной. Уж не занимаются ли они сейчас тем же, что и мы? Впрочем, какая разница, Лида мне нравится даже больше, чем Ульяна. Вот она возвращается из чащи, гордо неся свою курчавую роскошницу на крутых бедрах, капельки воды переливаются на волосках диамантами. Лида вытирается салфетками и одевается. Я не свожу с нее глаз. Кто знает, увижу ли я еще эту красоту: ведь она собирается замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.